

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА И РУССКИЕ. НАЧАЛО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*Опубликовано: Народы Сибири в составе Государства Российского:
(очерки этнической истории). — СПб., 1999. — С. 165–271*

Общий ход этнической истории народов Байкальского региона на протяжении II-ого тыс. был определен двумя основными этнополитическими событиями, сыгравшими важнейшую роль в судьбе населения Евразии. Это - возникновение, подъем и развитие монгольского и русского этносов, создавших на протяжении одного тысячелетия сменяющие одна другую две колоссальные державы, в состав которых попеременно входили и земли, прилегающие к Байкалу. Эти основополагающие для населения данного региона события обозначили две вехи в его истории: монголы и империя Чингизхана открыли эпоху развитого средневековья, русские и Государство Российское - эпоху нового времени. Однако, помимо существенного различия в уровне стадийного развития, эти две державы имели столь ярко выраженные индивидуальные особенности в хозяйственном, социальном, культурном и этнопсихологическом отношениях, что включение Сибири в состав молодого русского государства не просто вывело ее народы на следующий виток истории, но кардинально изменило весь ход их дальнейшего развития. Оно не только обеспечило этим народам поступательное движение в общем процессе социально-экономического и технологического развития Старого Света, но и вовлекло их в единое культурное пространство Евразии, способствуя более активному участию сибирских этносов в жизни мировой цивилизации. В рамках этих двух направляющих в XVII-XIX вв. на территории Предбайкалья и Забайкалья развернулись и интенсивные этногенетические процессы, в результате которых возникли новые народы, составляющие современную этническую карту региона. Именно характеристика этнических социальных и культурных процессов, протекавших на новых землях Государства Российского в Юго-Восточной Сибири в XVII-XIX вв. и составляет задачу предлагаемой статьи.

Обозначив два этапа в этнической истории Байкальского региона во II-м тыс., попытаемся кратко обрисовать те принципиальные их различия, которые были наиболее существенны для судьбы населяющих его народов. Различия эти, если не принимать пока во внимание стадийный уровень, были обусловлены прежде всего особенностями ХКТ монгольской и русской культур, для каждой из которых географическое положение региона, специфика его ландшафта и особенности местных культур имели свое значение.

В географическом плане Байкальский регион занимает южный выступ Сибирской платформы, окруженный с юга и юго-востока огромной территорией складчатых зон, постепенно понижающихся к югу и юго-востоку. Приангарская и Приленская части Предбайкалья представляют собой участки лесостепей, окаймленных горно-таежными массивами, среди которых выделяется своей мощностью Восточный Саян, замыкающий регион с юго-запада. Забайкалье, разделяющееся на Западное, Центральное и Восточное, включает в себя участки степей перемежающиеся горными хребтами с таежной растительностью, которые на юго-востоке соединяются со степями Центральной Азии.

Таким образом, с одной стороны, Байкальский регион является контактной зоной, разграничивающей и одновременно объединяющей культуры центральноазиатских степей и сибирской тайги, с другой - входит в широкий пояс лесостепей, простирающийся от Урала до Амура, который образует особый, северный (отличный от степного, южного) "культурный коридор", соединяющий западную и восточную части Северной Азии.

Такое географическое положение Байкальского региона способствовало тому, что, начиная с глубокой древности, возникновение и развитие культур проходило здесь в атмосфере взаимодействия народов обширного ареала, включающего и Центральную Азию, и Восточную, и Западную Сибирь. Регион этот на протяжении тысячелетий являлся своеобразным

этнокультурным перекрестком, что, естественно, накладывало отпечаток на психологический характер существовавших на его территории народов. Широкое этнокультурное взаимодействие способствовало формированию здесь культур открытого типа, готовых к культурным инновациям, терпимых к иноэтничному присутствию и склонных к контактам с различными народами. Подтверждением этому служит не только история взаимоотношений автохтонных этносов внутри Байкальского региона в XVII в., известная нам по русским письменным источникам, но и отношение этих этносов к обоснованию на их землях совершенно нового народа - русских. Высказанное положение требует некоторых пояснений.

Разнообразие природно-климатических условий Байкальского региона способствовало сложению здесь нескольких ХКТ: полукочевых и кочевых скотоводов, таежных охотников-оленоводоов, пеших охотников тайги. Весьма пестрой была и этническая палитра региона. В XVII в., к моменту появления на данной территории русских, здесь обитали монголоязычные, тунгусоязычные и тюркоязычные народы. Эта полиэтничность является ярким проявлением специфики контактной зоны, которая в силу своего пограничного положения, в данном случае между тайгой и степью, сочетая в себе черты того и другого ландшафтов, определяла этнокультурный облик региона. Если степь и тайга благодаря "однородности" природных условий формировали узко специализированные культуры, то лесостепь со смешанным характером ландшафта давала возможность более гибкого их развития. Так, в Байкальском регионе у скотоводов значительное место в хозяйстве занимала охота, существовало земледелие, рыболовство и даже промысел нерпы [Л.Р.Павлинская, С.Г.Жамбалова, 1986, сс.245-250; С.Г.Жамбалова, 1991, сс.26-27]. Охотники оленеводы, помимо занятия рыболовством, держали лошадей для транспорта и охоты, не говоря уже о забайкальских эвенках, которые полностью перешли от оленеводства к коневодству.

Контактная зона создавала все условия для развития как хозяйственного симбиоза внутри одной культуры, так и хозяйственно-культурного внутри Байкальского региона в целом, способствуя сосуществованию различных ХКТ. Гибкость и разнообразие хозяйственной деятельности создавали не только почву для постоянных межэтнических контактов, но и позволяли каждому этносу обрести свою экологическую нишу, что и способствовало развитию достаточно высокой степени толерантности сознания живущих здесь народов. А это в свою очередь обеспечило более спокойную, по сравнению со степью, этнополитическую ситуацию, отсутствие в лесостепи сильных всплесков межэтнических конфликтов. Более того, лесостепь являлась своеобразным "убежищем" для отдельных этнических групп, не выдерживших (по различным причинам) жесткого противостояния в борьбе за жизненное пространство, характерного для чисто степных регионов, что и определяло постоянно полиэтничный состав населения лесостепи.

Можно с полным основанием утверждать, что именно эта специфика лесостепи оказывала на протяжении тысячелетий благоприятное воздействие на развитие этногенетических процессов, во многом определявших историю Евразии. Так, из лесостепей Северной Монголии вышли на арену истории монголы, которые создали гигантскую империю, вобравшую в себя значительную часть Старого Света [История Монгольской Народной Республики, 1983, сс.134-155]. В таежно-степных районах Алтая сложились древние тюрки-тюгу, которым подчинилась Великая степь от Китая до берегов Волги и которые стали основателями тюркского мира Евразии [Л.Н.Гумилев, 1993, с.24]. В лесостепях Минусинской котловины возник кыргызский этнос, включивший в свое государство обширную территорию Южной Сибири и северо-восточного Казахстана [Л.Р.Кызласов, 1969]. Более того, на разных этапах истории лесостепь играла значительную роль в этногенезе древних угров, самодийцев, енисейцев и тунгусов, освоивших затем огромное пространство сибирской тайги и тундры и определивших культурный облик Северной Азии [В.В.Васильев, 1979, с.73; Этногенез народов Севера, 1980]. Лесостепь и ее роль в этно- и культурегенезе народов Евразии — тема большого, специального исследования. В настоящей статье она затронута лишь в связи с тем, что речь идет

об этнических процессах в Байкальском регионе и его расположение в лесостепном ландшафте имело существенное значение для этнической истории XVII-XIX вв.

Возвращаясь к вопросу о двух этапах истории Байкальского региона — монгольскому и русскому — и их принципиальных различиях, следует отметить следующие обстоятельства. Для узко специализированных кочевых культур степных скотоводов и, в частности, монголов эпохи подъема и расцвета империи Чингизхана лесостепь и, конкретно, забайкальские и предбайкальские земли были северной границей кормящего ландшафта, периферией, хотя и представляющей экономический интерес (например, получение пушнины), но не являющейся жизненно важной территорией. Такое положение определило особый тип отношений, сводящийся к даннической зависимости местного населения лесостепи от степных соседей, которая заключалась в уплате дани и поставке воинов в армии степных кочевников. Более того, эти отношения никогда не были стабильными, они сводились к временным контактам, иногда мирным и более или менее длительным, но чаще принимающим форму военных набегов степняков, прямого грабежа и увода части населения лесостепи в полон.

И тем не менее, лесостепной регион, благодаря своей географической и этнокультурной специфике, обладал определенной независимостью, хотя в этом уже существенную роль играл и уровень стадийного развития средневековых государств Великой Степи. В них, в силу специфики доминантной отрасли хозяйства — экстенсивного кочевого скотоводства, — была слабо развита государственная инфраструктура, что, кстати, ослабляло системную целостность этноса. Кочевникам было сравнительно легко захватить территорию, но трудно удерживать ее в контексте единой государственности. Как только ослабевала верховная власть, так сразу же начинались центробежные процессы, развивающиеся по линиям этнического размеживания, чему в значительной степени способствовал чрезвычайно полиэтничный состав населения кочевнических государств. Прежде всего, эти процессы охватывали периферию государства, население которой было в меньшей степени включено в этнокультурную жизнь центра. “Восстаниями лесных народов” (лесостепи) и, в частности, байкальского региона наполнена вся история государства Чингизхана.

Для Московской Руси лесостепной пояс Сибири явился прежде всего той естественной природной базой, которая позволила ей прочно утвердиться в огромном пространстве Северной Азии и приступить к созданию многонациональной державы. С одной стороны, лесостепной ландшафт был той географической средой, опыт освоения которой русские к моменту продвижения в Сибирь уже получили в южных районах европейской части своего государства, с другой, — обитавшие в сибирской лесостепи народы в силу своих этнопсихологических особенностей были готовы к контакту с новым этносом. Хотя эта готовность не исключала на первых порах определенной психологической несовместимости, вызванной значительным различием культур, и, как следствие, активного сопротивления некоторых коренных народов региона русским, но она резко ограничивала это противостояние во времени, т.к. исключала нетерпимость к новому иноэтничному присутствию.

В лесостепной полосе, с почвами и климатом, пригодными для земледелия, Россия смогла развить свой тип хозяйства (земледелие, животноводство), сосредоточить большую часть населения и заложить прочную основу русской культуры и государственности. Поэтому, если Сибирь в целом являлась периферией по отношению к европейской части Российского государства, то в самой Сибири лесостепной регион был ее центром.

Географическое положение Байкальского региона как самой восточной части этой крайне необходимой России лесостепной территории и, в то же время, находящегося в середине новых сибирских земель государства, с такими уникальными особенностями ландшафта как озеро Байкал и насыщенность мощными водными артериями (рр. Ангара, Лена, Селенга), делало этот регион в стратегическом отношении особенно важным. Уже в момент включения Байкальского региона в состав России в XVII в., он становится форпостом всей ее восточной политики. Не случайно именно здесь заключается первый русско-китайский договор и определяется первый официальный участок государственной границы России на вос-

токе. Байкальский регион становится “окном” Российского государства в Центральную, Южную и Юго-Восточную Азию, а воздвигнутый на Ангаре город Иркутск со временем становится административным и культурным центром всей Восточной Сибири.

В XVII в. русские встретились в Байкальском регионе с народами, становление и развитие которых было обусловлено этногенетическими процессами, в той или иной степени связанными с выходом на историческую арену монголов, образованием и распадом Великой империи [Т.М.Михайлов, 1989, с.97]. К моменту появления в регионе русских его территорию населяли монголоязычные, тунгусоязычные и тюркоязычные народы.

Монголоязычные этносы разделялись на две группы. Первую составляли булагаты, эхэриты, хонгодоры и хоринцы (так называемые протобурятские этносы), которых русские в XVII в. называли “братами” или “брацкими людьми”. Кроме того, булагаты включали в себя несколько субэтнических образований - ашехабатов, икинатов и шарайтов. Существовал и еще один субэтнос - готелы. Большинство исследователей включают его в состав булагатов, основываясь на том, что в XIX в. готельский род считался исконно булагатским. Однако, источники XVII в. показывают, что в военном противостоянии русским готелы, как правило, объединялись с хонгодорами. Поэтому вопрос о происхождении готелов пока остается открытым и требует дальнейшего изучения. В настоящей работе для обозначения этой части монголоязычного населения Байкальского региона мы будем использовать термин “братские” народы. Формирование этих народов проходило в лесостепной зоне, главным образом, в Предбайкалье, в результате взаимодействия древнего аборигенного тюркского, тунгусского и монгольского населения, обитавшего здесь в эпоху раннего средневековья, и монгольского населения центральноазиатских степей, появившегося в Байкальском регионе в период образования империи Чингизхана [Д.Н.Нимаев, 1988, с.164]. Однако, окончательное сложение этих четырех монголоязычных народов относится к XIV-XVI вв., когда происходит постепенное разрушение монгольского государства и распад средневекового монгольского этноса, неспособного уже оказывать воздействие на этнополитическую ситуацию на периферии своих владений. Отдаленность и определенная изолированность Предбайкалья, отсутствие военного и экономического давления центра способствуют усилению локальных этнообразовательных процессов, и тот этногенетический толчок, который дали Байкальскому региону монголы в XII-XIII вв., получает собственное свободное развитие [Л.Р.Павлинская, 1996, с.94].

Икинаты заселяли низовья Оки (правого притока Ангары), ашехабаты и шарайты занимали степные районы по среднему течению Оки и Уды (правый приток Ангары - Удинская земля Красноярского уезда); булагаты - земли, прилегающие к Ангаре по обоим ее берегам, от ее левого притока Уды до Иды, а также степи в нижнем и среднем течении Куды; готелы обитали по нижнему течению правого берега Иды; эхэриты занимали степные пространства верхнего течения Куды и Лены. По левому берегу верхнего течения Ангары (от Иркутка до Белой) и по долине Иркутка находились земли хонгодоров, а Приольхонье, Ольхон и забайкальские степи по левому берегу Селенги до Уды и долину Уды до Еравнинских озер заселяли хоринцы.

Вторую группу составляли собственно монгольские этносы, населяющие степные пространства Забайкалья. Их происхождение также неразрывно связано с этногенетическими процессами, развернувшимися в эпоху средневековья в степях Центральной Азии, включая и южные районы Забайкалья. Это прежде всего табангуты, сартолы, уляты, озоны, обитавшие в XVII в. в забайкальских степях от р.Джижы до р.Аргуни [Б.О.Долгих, 1960, с.348]. Происхождение этой группы, как и первой, непосредственно связано с образованием и разрушением монгольской империи. Но здесь, в степных районах, теснейшим образом соприкасающихся с центром азиатских степей, процесс распада монгольского этноса привел к появлению множества мелких этнических единиц, возникших или на основе бывших монгольских субэтносов, сложившихся в процессе становления монголов, или новых, часто еще нестойких этнических образований, возникших из различных “осколков” монгольского этноса.

Характеристика тунгусского населения Байкальского региона требует некоторых предварительных замечаний в силу определенной специфики этнических процессов, протекавших в среде тунгусов на протяжении всей их истории. Исследователи до сих пор не смогли прийти к единому мнению как относительно времени сложения и тунгусского, и эвенкийского этносов, так и определения тех этнических образований (групп), с которыми встретились русские в Сибири в XVII в. Специфика этих этнических процессов прежде всего была обусловлена особенностями таежного ландшафта и выработанного на его основе ХКТ таежных охотников-оленоводов или пеших охотников. Необычайная подвижность тунгусского населения и его рассредоточенность на колоссальной территории сибирской тайги приводили к замедленному протеканию этнообразовательных процессов, отсутствию единого монолитного этнического ядра, которое могло бы провоцировать центростремительные силы. Следствием этого было достаточно аморфное состояние этноса, обладавшего лишь единым стереотипом поведения, но не имеющим ярко выраженного этнического самосознания, не говоря уже о едином самоназвании (подробнее об этом см. статью Н.В.Ермоловой в настоящем издании).

Тем не менее, представляется наиболее правильной точка зрения тех ученых, которые на основании сравнительного изучения этнической ситуации в сибирском регионе в эпоху раннего средневековья выдвинули положение о том, что в конце I- начале II тыс. на территории Сибири сложились два тунгусских этноса - западный (енисейский) и восточный (приленский)[Н.В.Ермолова, 1996, с. 139]. Для западных тунгусов было характерно участие в их формировании самодийских, енисейских и тюркских компонентов, для восточных - палеоазиатских и монгольских. Важно отметить, что образование приленских (восточных) тунгусов проходило, практически, одновременно со сложением средневековых монголов, хотя характер этих процессов в каждом случае был совершенно различным.

К XVII в. развитие тунгусских народов привело к сложению многочисленных субэтносов, которые не всегда представляли собой монолитные образования, а заселяли иногда достаточно удаленные друг от друга территории. Оторванная от основного субэтнического массива группа со временем могла стать ядром, вокруг которого из осколков других тунгусских субэтносов, а в маргинальных районах и из представителей других народов, складывалась новая этническая единица, новый субэтнос. Этот процесс постоянной этнической пульсации, лишенный масштабных межэтнических взаимодействий, свойственных, например, Великой степи, был характерной особенностью этнической истории тунгусов, по крайней мере на протяжении средневековья и нового времени.

В момент появления русских Байкальский регион населяли оба тунгусских этноса. Западные тунгусы, среди которых наиболее крупными субэтнотами были шамагиры, налягиры и кумкагиры, занимали, главным образом горно-таежные районы Предбайкалья и южное побережье Байкала. Восточные тунгусы - камчагиры, лелюли (нелюды), намяты (намясинцы) и некоторые другие, более мелкие группы, были расселены по многочисленным горным хребтам Забайкалья и северо-восточного побережья Байкала, покрытых таежной растительностью [Б.О.Долгих, 1960, сс.349-350].

Таким образом, в Байкальском регионе территории, занятые монголоязычным населением, перемежались с землями, населенными тунгусами, как точно отмечали в своих отписках казаки "тунгусы живут с братьями черезполосно". Это тесное соседство и, в определенной степени, перемешанность населения в значительной степени определило характер этнических процессов, которые развернулись здесь в XVII-XIX вв.

В то же время, тюркоязычное население занимало достаточно изолированную территорию Восточных Саян, включающую Центральное плато и прилегающие к нему с востока отроги Большого Саяна (нынешний Окинский аймак Республики Бурятия). На характеристике этнической истории этого района необходимо остановиться более подробно, т.к. он, занимая срединное положение между Байкальским регионом и Тувой, мало привлекал внимание этнографов и до настоящего времени остается наименее изученным. В исследованиях по ис-

тории Сибири и Центральной Азии он, по умолчанию, рассматривался как часть Саянского горного массива, неразрывно связанного с Тувой. Но, будучи отделенным от Тувы Большим Саяном, этот район в значительной степени и географически, и исторически тяготеет к Байкальскому региону, в контексте этнической истории которого он, практически, не рассматривался.

К сожалению, недостаточная изученность восточной части Саянского нагорья позволяет охарактеризовать древний и средневековый периоды истории его народов только на основе существующих исследований по Восточным Саянам в целом.

Регион Восточных Саян являлся одним из ключевых в древней этнической истории Сибири [С.И.Вайштейн, 1968, т.1, с.253]. В неолитическую эпоху население Саянского нагорья входило в этнокультурную общность, носители которой были связаны с восточной ветвью уральской языковой семьи [В.Н.Черницов, 1973, сс.14-15]. Однако, некоторые исследователи склонны считать аборигенами этого региона носителей катангского (байкальского) антропологического типа и относить их к прототунгусам, а самодийцев рассматривать как первую миграционную волну, продвинувшуюся в Саяны с северо-запада. Оказавшись в таежной зоне, знакомые со скотоводством самодийцы смогли осуществить доместикацию оленя и прочно заложить основы оленеводства в Саянах, что позволило им в дальнейшем освоить северные просторы Сибири [С.И.Вайнштейн, 1980, с.87].

В первых веках нашей эры в Саяны проникают кетоязычное население, продвижение которого в горно-таежные районы, видимо, было связано с начавшейся экспансией в Юго-Восточную и Южную Сибирь хуннских племен [Е.А.Алексеенко, 1980, с.129]. В середине I тыс. из Центральной Азии в Саяны устремляются тюркские племена *туба*, входившие в конфедерацию “*теле*” и этнически близкие уйгурам [С.И.Вайнштейн, 1980, с.88]. К этой эпохе, по всей видимости, относятся известные на территории Центрального плато Восточных Саян, но, к сожалению, не изученные могильники курганного типа. В период развитого средневековья земли эти находились в орбите политического и этнокультурного влияния государства енисейских кыргызов [Л.Р.Кызласов, 1969].

В XVII в. этот район, включая и земли, прилегающие к озеру Хубсугул, населяли несколько небольших народов, возникших на основе взаимодействия древних самодийских и средневековых тюркских этносов. Заслуга выявления этих народов и тем самым открытие первой страницы истории Восточной части Саянского нагорья принадлежит Б.О.Долгих, который на основе русских письменных источников XVII в. составил этническую карту района, дал характеристику ХКТ и определил приблизительную численность населения [Б.О.Долгих, 1960, сс.257-264]. Согласно исследованию Б.О.Долгих, земли эти занимали кайсоты, югдинцы (эудинцы) и сойоты. Кайсоты и югдинцы были охотниками-оленеводами, сойоты - скотоводами.

Полевые исследования, проведенные автором в Окинском аймаке Бурятии в 1987-1993 гг., позволяют в некоторой степени уточнить выводы О.Долгих. В частности, можно говорить о том, что кайсоты включали в себя два субэтнуса - иркитов и хаасутов [Л.Р.Павлинская, 1993, с.]. Иркиты - охотники и оленеводы, занимали горно-таежную зону района, хаасуты, в хозяйстве которых наряду с охотой и оленеводством заметную роль играло и скотоводство, населяли остепненные долины рек и земли, прилегающие к оз. Хубсугул с запада. Сойоты, в хозяйстве которых доминировало скотоводство (при сохранении важной роли охоты), населяли как остепненные районы с востока от оз. Хубсугул и долину р.Иркут, так и горно-таежные районы Тункинских белков. Возможно, возникновение этих народов связано не только со становлением и развитием кыргызского этноса на Енисе, но и с теми этническими процессами, которые обусловили расцвет и падение Уйгурского каганата (IX-X вв.), хотя вопрос этот выходит за рамки настоящей публикации и, безусловно, требует специального исследования.

Итак, к XVII в. Байкальский регион был населен народами, формирование и развитие которых было определено глобальными этническими процессами, охватившими Централь-

ную Азию и Сибирь в эпоху средневековья. Эпоха эта завершилась крушением империи Чингизхана и собственно монгольского государства, а главное - утратой монголами той пассионарности, которая определяла их доминирующее положение в центральноазиатском и южносибирском регионах: монгольский этнос вошел в стадию надлома, который он не смог преодолеть в силу появления на исторической арене новых этнических сил.

Следующий период был связан с возникновением и развитием двух новых мощных этносов - русских и маньчжуров, которые и определили направленность этногенетических и этнокультурных процессов в Юго-Восточной Сибири и Центральной Азии.

Блестящие исследования Л.Н.Гумилева, создавшего наиболее полную и четко выстроенную теорию этногенеза [Л.Н.Гумилев, 1990], позволяют в настоящее время приблизиться к пониманию тех процессов, которые лежат в основе распада этноса.

Применительно к нашей теме, наиболее важной оказывается этническая ситуация в Монголии конца XVI-начала XVII в. Если, с позиций социально-экономического и политического развития, период феодальной раздробленности Монголии изучен достаточно подробно, то вопрос этнической характеристики населения ее многочисленных княжеств этого времени слишком скупо освещен в научной литературе.

В то же время, для анализа этнических процессов, развернувшихся в Байкальском регионе в XVII-XIX вв. этническая ситуация, сложившаяся к началу этого периода на территории Центральной Азии, имеет огромное значение и требует хотя бы предварительной оценки. Поэтому, не столько претендуя на решение этого вопроса, сколько стремясь привлечь к нему внимание исследователей, попытаемся все же дать общую оценку этнической ситуации, возникшей в этом регионе к моменту появления в Юго-Восточной Сибири русских.

К началу XVII в. этнические процессы, протекавшие на протяжении XIV-XVI вв. на колоссальной территории Евразии не только привели к гибели империи Чингизхана (представляющую с этнической точки зрения колоссальный суперэтнос), а позднее, собственно монгольское государство, но и к исчезновению самого монгольского народа. Того народа, который огнем и мечом объединил на короткое время в единое политическое пространство народы и земли от берегов Тихого океана до лесов Восточной Европы. Крушение монголов, вызванное надломом этноса в связи с распылением его сил в просторах гигантской завоеванной территории, обусловило перегруппировку этнических сил, что было связано с новым витком этногенеза.

В степях Центральной Азии, впитывая в себя различные по происхождению тюркские, китайские и тунгусо-маньчжурские этнические компоненты, монголы распадаются на множество субэтносов и этносов, отличающихся разной степенью консолидации и политически оформляющихся в целый ряд самостоятельных княжеств. Возникшее между ними противостояние, которое иногда доходило до антагонистической непримиримости, не позволяет видеть в монголах XVI в. единого народа. В наиболее общем плане, новый этап этнической истории отражается в возникновении на этой, еще достаточно большой территории трех относительно самостоятельных этнокультурных ареалов - западного, северного и южного, каждому из которых был присущ свой собственный путь этнического развития. Для настоящей статьи наибольший интерес представляют западный и северный этнокультурные очаги, т.е. те регионы, которые непосредственно соприкасались с районами Юго-Восточной Сибири.

Территория от Хангайских гор до верховий Иртыша — эти древние земли тюркских народов - в конце XIV-начале XV в. становится колыбелью ойрат-монголов (джунгар), в этнической амальгаме которых значительную роль играли автохтонные тюркские компоненты. Завершение образования ойратского этноса относится к концу XVI в. В начале XVII в. происходит политическое объединение народа под властью чоросского княжеского дома, образование самостоятельного джунгарского княжества и значительное расширение территории, занимаемой молодым этносом [И.Я.Златкин, 1983, с.78]. Часть ойратов продвигается на северо-восток, к южным границам Западной Сибири, входящей уже в состав России, а затем вообще уходит на Волгу, другая - передвигается на юго-восток, занимая земли в районе озе-

ра Кукунор [И.Я.Златкин, 1983, сс.110-111]. В 40-х годах XVII в. ойраты, оставшиеся на своих исконных землях и возглавляемые Батор-Хунтайджи, начинают борьбу за подчинение Северной Монголии. В 80-х годах эта борьба переходит в стадию кровавого военного конфликта между ойратским государством, возглавляемым Галдан-ханом, и северо-монгольским княжеством Тушету-хана [История МНР, 1983, сс 195-196]. Однако, победа в этой войне Галдан-хана не смогла изменить общий ход этнических процессов, уже определенный в центральноазиатском регионе новым маньчжурским этносом. Джунгарам не удалось объединить монгольское население, и образование современного монгольского народа пошло другим путем. Оно началось несколько позднее в рамках нового китайского государства династии Цин под влиянием маньчжуро-китайского экзогенного фактора.

Северная Монголия, будущая родина халха-монголов, к XVII в. в политическом отношении была разделена на семь самостоятельных княжеств-владений - “Халхаин долон хошун” (Семь халхасских хошунов) [История МНР. 1983, с 194]. Однако, население даже этих княжеств, бывшее этническое ядро монголов, уже не представляло собой единого этноса. В нем выделились три крупных этнических образования (население княжеств Тушету-хана, Цэцэн-хана и Дзасакту-хана), которые, видимо, представляли собой субэтносы некогда единого монгольского народа, и множество мелких субэтнических групп, главным образом, на периферии основной территории, в частности, в Забайкалье. Они, находясь в политической зависимости от главных княжеств, тем не менее, не отождествляли себя с их населением и представляли абсолютно самостоятельные этнические единицы. Позднее часть этих субэтнических групп вошла в новый монгольский этнос, другая — участвовала в сложении бурят.

Безусловно, проблема эта представляет совершенно самостоятельную тему исследования. Однако, обозначить ее в настоящей работе было необходимо, т.к. именно распад монгольского этноса явился причиной, по которой родственное ему население северных окраин бывшего Монгольского государства вошло в состав России и оказалось в орбите совершенно иных этнических процессов, положивших начало образованию современных народов Байкальского региона.

Становление и развитие самого маньчжурского этноса по временным рамкам удивительно совпадает с формированием русского народа. Он складывается в XIV-XVI вв. и в конце XVI в. начинает движение за пределы своей исконной территории [И.С.Ермаченко, 1974, с.23-24]. Подчинив на протяжении одного века огромные пространства Китая и Монголии, он создает крупнейшую в пределах Восточной и Центральной Азии империю и огромный суперэтнос, просуществовавшие в течение трех столетий. В середине XVII в. эти два народа - маньчжуры и русские — встречаются в Юго-Восточной Сибири, а к началу XVIII в. четко фиксируют здесь границу своих государств, тем самым определяя дальнейший ход этнического развития народов Сибири, Дальнего Востока, Центральной и Юго-Восточной Азии.

Этническая история народов Байкальского региона в составе Российского государства разделяется на два основных этапа. Первый характеризуется резким “возмущением” этнического пространства, вызванного появлением экзогенного русского фактора, смешением коренных народов региона и разрушением их системной целостности, а затем возникновением новых, центростремительных процессов, давших толчок к образованию современных народов. В научной литературе этот период всегда рассматривался только с точки зрения последовательности исторических событий, а вызванные ими этнические процессы, как правило, оставались в тени. Именно поэтому, в настоящей работе основное внимание уделено первому периоду, так как, именно в это время начинается процесс этногенеза современных народов Байкальского региона. Второй период отличается стабилизацией этнополитической ситуации, развитием государственной системы управления, усилением центростремительных этнических процессов и внутреннего этнического структурирования новых автохтонных байкальских этносов.

Хронологические границы первого этапа охватывают столетие с момента постройки стрелецким сотником Максимом Перфильевым Илимского зимовья (1627 г.) и до заключения графом Саввой Рагузинским Буринского мирного договора России с маньчжурским Китаем (1727 г.).

Следующий за ним этап простирается на два столетия, в течение которых происходит окончательное формирование этнической карты региона, включая и постепенное перемещение центра этнообразовательных процессов в среде монголоязычного населения из Предбайкалья в Забайкалье, с его самобытным ландшафтом, возникновение новых этнокультурных связей, как внутри коренных народов, так и между автохтонами и русскими, развитие социальной структуры коренных этносов в контексте государственной системы, в результате чего завершается сложение существующих на данной территории в настоящее время коренных сибирских народов. Заканчивается этот период в первой четверти XX в., обозначившей начало новейшей истории с ее кардинальным изменением общего хода этнокультурного развития населения всей Евразии.

XVII в. в истории народов Байкальского региона достаточно подробно освещен в научных трудах, среди которых прежде всего следует отметить работы Г.Ф.Миллера [1941; Архив МАЭ РАН, ф.К-V, оп. 1, № 760], С.А.Токарева [1934], А.П.Окладникова [1937, 1951], Ф.А.Кудрявцев [1940] Б.О.Долгих [1951], 1960], Е.М.Залкинда [1958], Г.Н.Румянцева [1962]. И, тем не менее, существует острая необходимость, опираясь на предшествующие исследования и письменные источники, снова вернуться к анализу бурных исторических событий того времени, сыгравших столь значительную роль в судьбе коренных народов этой части Северной Азии. Важнейшими в контексте данной статьи представляются вопросы, связанные с развитием этногенетических и этнокультурных процессов, вызванных к жизни не только вторжением русских, но и государственным строительством, а также правительственной политикой, определившей направленность и характер межэтнического взаимодействия как между народами Сибири и русскими, так и внутри коренного населения региона.

Первые отряды русских служилых людей появляются в Байкальском регионе в 20-х годах XVII в. К этому времени владения Московского государства в Сибири уже охватывают территорию от Урала до Енисея и от берегов Ледовитого океана до степей Средней Азии. Однако, основное внимание Москвы сосредоточено в это время на окончательном освоении южных, лесостепных пространств региона. С одной стороны, только они давали возможность основать в Сибири земледелие, снабдить служилое население хлебом и тем самым продолжить дальнейшее продвижение на восток. С другой - именно на юге, в азиатских степях Москва имела наиболее сильных противников, и только прочное обоснование в лесостепном регионе являлось гарантией стабильности нового разрастающегося государства. Уже в начале XVII в. как местные сибирские власти, так и Московское правительство отчетливо представляли себе общую этнополитическую ситуацию на той территории Средней и Центральной Азии, которая примыкала к новым сибирским землям. К этому времени Москва имеет уже прочные дипломатические связи и с Джунгарским княжеством, и с северомонгольским княжеством Алтын-ханов [И.Я.Златкин, 1983, сс. 80-81]. Ее политика в отношении этих двух кочевнических государств весьма примечательна. Неоднократно предлагая каждому из них принять русское подданство, Москва неукоснительно соблюдает нейтралитет в отношении военных конфликтов между монголами и джунгарами, сосредотачивая все силы на ликвидации их политических претензий на пограничные районы Сибири, главным образом среднего Прииртышья, Северного Алтая и южного Енисея.

К 1619 г. относится и начало дипломатических отношений с Китаем [Н.Н.Бантыш-Каменский, 1882, с.7], хотя его границы, как показывают документы, в 20-х годах XVII в. представляются русским недостаточно отчетливо. Так, например, в одном из донесений 1925 г. воеводы Енисейского острога Андрея Ошанина, содержащим полученные им сведения о "Брацкой земле", говорится: "А ходу от Енисейского острогу до Брацкие земли через Тюлькин землицу конем 12 дней, а Брацкая земля с Китайским рубежом сошлась; а в Брац-

кой земле сказывают, что людей много .. и еже лет с китайскими людьми бой живет”[ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, сс.23-24, № 18]¹. Однако, через Тюлькину землицу , расположенную по Енисею выше устья Ангары, за этот срок можно было добраться только к ашехабатам (булагатский субэтнос), живущим на Уде (в районе нынешнего Нижнеудинска), от которых до китайских границ того времени, да и более поздних, было слишком далеко.

Представляется вполне вероятным, что именно подобные (хотя и ложные) известия, вызывая опасения потери для Московского государства богатых южносибирских территорий в связи с возможным их подчинением Китаю, явились одной из причин столь стремительного продвижения русских от Енисея на восток и юго-восток. Так, в течение 12 лет (с 1619 по 1641 гг.) они поднимаются по Ангаре до Илима, затем переходят на Лену, спускаются вниз по ее течению на северо-восток, а по ее притокам Витиму, Алдану и Олекме переходят на Амур, где в 1652 г. впервые и сталкиваются с войсками маньчжурского Китая [Б.О.Долгих, 1960, с.580]. При этом, русские не только оставляют у себя в тылу “не приведенных под высокую царскую руку” кыргызов, наносящих своими набегами огромный урон как русскому, так и коренному населению Енисейского и Красноярского уездов, но и, фактически, еще непокоренных народов Байкальского региона. Вполне очевидно, что, несмотря на распыление своих и без того довольно немногочисленных сил, они стремятся охватить как можно более обширную территорию и хотя бы формально объявить ее включенной в состав Русского государства, а уж затем начать ее фактическое освоение.

В то же время этот стремительный прорыв русских от Енисея на восток в значительной степени определил тактику их продвижения в Предбайкалье и ускорил покорение населяющих его народов. Поднявшись по Ангаре до устья ее правого притока Илима, русские двигаются по нему вверх и переходят на левый приток Лены Куту, по которой и спускаются в бассейн этой великой сибирской реки. Выход на Лену открывает им дорогу как на север (к якутам), так и на юг, к Байкалу, позволяя фактически охватить территорию Предбайкалья с востока. Поэтому, освоение Предбайкалья, практически, сразу началось с двух сторон: в его западной части основной дорогой для русских служила Ангара, в восточной - Лена, т.е. предбайкальские земли были взяты “в клещи”, что во многом способствовало успеху в покорении столь сильных в военном отношении коренных народов, как булагаты, эхэриты, хонгодоры и хоринцы. Но эта тактика не была результатом военной стратегии, ее определила гидрогеография региона, его мощные водные артерии, являвшиеся для русских в XVII в. основными путями продвижения.

Началом планомерного освоения русскими Восточной Сибири следует считать 1619 г., когда на Енисее, чуть ниже устья Ангары, был поставлен Енисейский острог. Строительство этого острога, прежде всего, было связано с тем, что, выйдя в бассейн среднего течения Енисея, русские столкнулись с западными тунгусами, оказавшими им сильное сопротивление и ставшими преградой на пути дальнейшего продвижения на восток. Одной из причин военных столкновений с тунгусами являлось то, что с появлением русских они теряли свое господство над находящимся у них в даннической зависимости остяцким населением (енисейцами) левобережья Енисея и междуречья Енисея и Чуны, которое достаточно быстро было объяснено русскими, а его земли включены в состав Кетского уезда. Тунгусы не только нападали на русских промышленников и сборщиков ясака и грозили перебить всех русских, но и постоянно разоряли остяцкие волости, что наносило существенный урон как Московской казне, так и престижу государства. Уже после строительства Енисейского острога, в 1625 г. его воевода Яков Хрипунов писал в Тобольск князю Юрию Сулешову о тунгусском князце Тасее, причинявшем своими нападениями особенно сильное беспокойство как русским, так и остякам : “ А говорят во многих землицах татара и остяки твоим государевым людям: много де вы сказываете у государя ево государевых служилых людей, а поиску над таким вором не учинят, такое де он великое воровство чинит и государевых служилых людей побивает и

---

¹ При цитировании архивных документов сохраняется орфография и синтаксис оригинала.

своим воровством многие земли смущает, а с одним де мужиком управитца не умеют” [ААН, ф.21, оп. 4, № 22, с. 27, № 18]. Это сообщение свидетельствует, что сопротивление, оказанное тунгусами, находилось в центре внимания всего коренного населения бассейна среднего Енисея, и от исхода этого противостояния во многом зависел успех его подчинения русским. Так, после одной из наиболее крупных побед, одержанной над тунгусами, возглавляемыми князем Данулом в 1609 г., русским полностью подчинились остяки значительной по размерам и численности населения Тюлькиной земли [Миллер Г.Ф., 1941, с.41].

Однако, несмотря на серьезное поражение в 1609 г., тунгусы не только продолжают активное сопротивление русским, но и учащают нападения на своих бывших кыштымов; особенно страдают от них Кузнецкая, Касовская и Сымская волости Кетского уезда. Русские документы 1610-1617 гг. наполнены известиями о столкновениях с тунгусами и нанесенном ими ущербе коренному населению [Миллер Г.Ф., 1941, сс.219,215, 221,227, 239]. Неожиданно возникает и угроза со стороны “братских людей” . В 1613 г. они совершают набег на аринцев князя Тюлькиной земли Затыгаша и отбирают пушнину, собранную в ясак для русской казны [Миллер Г.Ф.,1941, с.227]. Как можно предполагать, это были ашехабаты - самое западное субэтническое подразделение булагатов, живущие на р.Уде (левом притоке Ангары, в районе будущего Нижнеудинска). Выход из сложившейся ситуации русские видели только в строительстве нового острога непосредственно на Енисее, открывавшем своими правыми притоками дорогу в тунгусские и “братские” земли. В начале 1617 г. выходит государев указ о возведении Енисейского, или, как его называли вначале, Тунгусского острога, в чем достаточно четко отразилось его основное для того периода назначение - “приведение под высокую государскую руку” непокорного народа [Миллер Г.Ф.,1941, с.240].

Поставив в 1619 г. Енисейский острог на левом берегу реки, на территории Кузнецкой волости енисейцев, наиболее страдавшей от набегов тунгусов, а также укрепив тыл Маковским острогом на Кетском волоке, русские двинулись на восток и юго-восток по Ангаре и ее притокам. С этого момента, в сущности, и начинается история освоения и присоединения Байкальского региона к России.

Строительство Енисейска повлекло за собой образование на территории Сибири нового уезда. Первоначально по распоряжению из Тобольска к нему отошла часть ясачных волостей Кетского уезда, населенных кетоязычными енисейцами [Миллер Г.Ф.,1941,с.244], но благодаря отваге и удали острожного гарнизона, Енисейский уезд быстро расширяется за счет присоединения новых восточных земель. К 1641 г. в его состав уже входила территория практически всего бассейна Ангары, среднего и верхнего течения Лены с ее правыми притоками и земли вокруг Байкала.

Первые годы существования Енисейского острога его гарнизон был занят “тунгусской проблемой”. Тунгусы нижнего течения Ангары оказали русским активное сопротивление. Фактически, на их “приведение под высокую государеву руку” ушло 10 лет. Документы этого времени наполнены сообщениями о столкновениях стрельцов и казаков с различными группами тунгусов и об их постоянных “изменах”. Особое беспокойство причиняли тунгусские князья Тасей, Иркней, Мамыгу [Б.О.Долгих, 1960, с.202]. Например, в 1625 г. от остяков Кузнецкой волости поступило сообщение, что зимой Тасей “ хочет быть на Волоч на большую дорогу, которая дорога из Маковского острожка через волок в Енисейской острог, и хочет он Тасейко на волоку, на дороге, служилых и торговых и промышленных и всяких людей побивати, чтоб ему через волок дорогу отнять; а говорит Тасейко тунгусским людям: как де мы дорогу через волок отойдем, и мы де будем и Кетью владети ... а Енисейский острог то де наш и есть, взяти де мы ево не возьмем и мы голодом выморим” [ААН, ф.21, оп.4, № 22, с.20, № 16]. Этот документ свидетельствует о высокой пассионарности западно-тунгусского этноса, который в конце XVI- начале XVII в., видимо, переживая этнический подъем, начал продвижение на запад, на правый берег Енисея, расширяя свою исконную территорию между Енисеем и Леной и подчиняя местное енисейское население. Движение тунгусов на запад было остановлено более мощным встречным потоком русских, в значи-

тельной степени повлиявшем на ход этнических процессов в сибирском регионе и придавшем им иную направленность. Тунгусы нижнего течения Ангары крайне враждебно отнеслись к появлению русских, и только постройка в 1628 г. Рыбного острога на Ангаре (несколько выше устья р.Тасеевой) обеспечила последним более или менее безопасное продвижение в Байкальский регион.

Однако, уже в 1623 г. енисейский воевода Яков Хрипунов посылает, видимо, небольшой отряд во главе с Жданом Козловым на разведку в “Братскую землю” [Г.Ф.Миллер, 1941, с.307]. Судя по тексту “Наказной памяти” Ждан Козлов был отправлен к ашехабатам, живущим на р.Уде (в район нынешнего Нижнеудинска). О результате этого похода сведений нет, но с уверенностью можно сказать, что до “брацких людей” отряд не дошел, и причиной тому были, по всей видимости, тунгусы. Второй отряд, численностью в 40 человек, возглавляемый Яковом Плещевским, был отправлен вверх по Ангаре в большие братские улусы, но также не выполнил своей задачи, так как и ему не удалось пройти через “тунгусские земли” [Архив МАЭ РАН, ф. К-V, № 760, гл.11, с.22].

Весной, 30 мая 1625 г. Яков Хрипунов снова направляет в Брацкую землю отряд из 40 человек, возглавляемый стрелецким сотником Поздеем Фирсовым и казачьим атаманом Василием Алексеевым (Тюменцем). План этого похода был грандиозным. Сотнику и атаману предписывалось: “Идти им из Енисейского острогу вверх по верхней Тунгуске реке (Ангаре - Л.П.) к тунгуским князю к Иркинею и Карнею с товарищи, и пришед к ним ... говорить им чтоб они, князцы и лутчие люди, со всеми своими людьми великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси послужили, ясак бы с себя и своих людей великому государю на нынешний на 133-й год платили ... и шли б с рускими людьми с сотником Поздеем Фирсовым с товарищи вверх по Тунгуске до верхних тунгусских и апленских и шаманских людей, до князца Ючаны и Мулты и Трежи с товарищи ... . А как тунгусские и апленские и шаманские князцы и лучшие люди великому государю ясак заплатят, и Поздею с товарищи взяв с собою тунгусских и апленских и шаманских князцов, идти в Брацкую землю и в иные новые землицы” [ААН, ф.21, оп.4, № 22, лл.16-18, № 14]. Однако в Братскую землю сквозь территорию нижнеангарских тунгусов отряд пройти не смог.

“Наказная память” представляет интерес во многих отношениях. Во-первых, она наглядно отражает русскую политику привлечения в качестве дополнительной военной силы одних коренных народов в покорении других. Во-вторых, она показывает, что к 1625 г. русские были хорошо осведомлены о расселении тунгусов по нижнему и среднему течению Ангары до больших Братских порогов и путь в Братскую землю им был прекрасно известен. И, наконец, эта “Наказная память” рисует нам характер самого Якова Хрипунова, сыгравшего впоследствии крайне негативную роль в развитии отношений русских с “брацкими людьми”. Енисейский воевода не мог не знать всей сложности взаимоотношений с тунгусами, поэтому его наказ о привлечении тунгусских князцов в русский отряд не более, чем стремление выдать желаемое за действительное, ибо серьезной надежды на поддержку тунгусов быть не могло, но слишком велико было желание Якова Хрипунова добраться до Братской земли. Да еще, возможно, хотел он показать перед Тобольском свое усердие на “государевой службе” и силу острожного гарнизона.

Примечателен в “Памяти” и персональный наказ Поздею Фирсову: “А самому Поздею государевой казною не корыстоватца, и государевых ясашных соболей на свои худые соболи не сменять, и своими товарами до государеву ясаку не торговати, и ясашным людям и обиды никоторые и насильства не чинити”. Такие наказания, начиная примерно с 1620 г., встречаются во многих “памятях”, выданных начальникам стрелецких и казачьих отрядов, и связано это, прежде всего, с внутренней политикой московского правительства, направленной на восстановление и устройство административно-налоговой системы государства, основательно разрушенной Смутой. Именно в этот период резко усиливается контроль за сбором ясака в Сибири, о чем свидетельствуют многочисленные “отписки” десятников, сотников, воевод о причинах его недобора. Отсутствие стабильности в государстве и сильной верхов-

ной власти в смутное время, естественным образом, привели к деструктуризации управленческой вертикали и резкому ослаблению общегосударственных интересов в деятельности местных властей. Это порождало в среде уездных правителей, которыми чаще всего являлись воеводы, психологию временщиков и вело к распространению мздоимства, взяточничества, казнокрадства. С этим явлением и повело борьбу первое правительство дома Романовых, и, хотя успехи здесь не были столь заметны, как в других областях его деятельности, результаты все же давали о себе знать [В.О.Ключевский, 1997, Книга вторая, сс.258-260]. Особенно важным представляется то, что вся деятельность правительства в равной степени касалась и московской, и сибирской территорий государства, хотя отдаленность последней и ее общая неустроенность ослабляли результаты усилий центральной власти. При этом, несмотря на жизненно необходимый для государства жесткий сбор налогов, правительство отчетливо понимало, и это отмечают все серьезные историки, что стабильность государства зависит от благосостояния тяглого, а в Сибири и ясачного, населения страны. Поэтому неслучайно в большинстве “Наказных памяток” сибирских воевод присутствует указание стрельцам и казакам “ясашным людям некоторые обиды и насильства не чинить”. Эта политика и являлась одной из характерных особенностей русской колонизации Сибири, позволившей создать единое многонациональное государство.

Однако, именно на примере “Наказной памяти” Якова Хрипунова явно выявляется разница между политикой правительства и реальным поведением людей на местах, часто диктуемым личными корыстными целями. Обязывая в 1626 г. Фирсова соблюдать в отношениях с тунгусами и “брацкими людьми” государственные интересы и “призывать их к себе ласкою”, сам Яков Хрипунов, попав в 1629 г. на Ангару и Илим, учинил жестокий погром, который свел на нет налаженные ранее добрые отношения с коренным населением северного Предбайкалья. Но к этим событиям следует вернуться несколько позднее.

“Брацкая земля”, конечно, манила к себе. Известия о ее богатстве и многочисленности населения уже давно поступали к русским, и чем ближе они подходили к ней, тем заманчивее становилось ее описание. В 1626 г., тогда еще подъячий Енисейского острога, а позднее сотник стрелецкий Максим Перфильев, вернувшись после очередного сбора ясака с “аплинских и шаманских” тунгусов, привез известия о Братской земле: “сказывали ему, Максиму, шаманские люди (тунгусы шамагиры - Л.П.), что Брацкая земля богата и людей в ней много, а люди сидячие, а берут де брацкие люди ясак со многих с малых земель у товарищей Брацкой земли. Соболи и лисицы и бухарских товаров дорогов и киндяков и зенденей и шелков и белья много, и серебра де добре много, а коней и коров и овец и верблюдов бесчисленно а хлеб пашут ячмень с гречью, а ждут брацкие люди к себе твоих государевых служилых людей, а хотят тебе великому государю брацкие люди поклониться и ясак платить и служилыми людьми торговать ... а смотря на Брацкую землю приклонятся тебе великому государю многие мелкие земли и твоей государевой казне будет прибыль великая” [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, сс. 14-15]. В этом сообщении весьма преувеличена лишь готовность “брацких людей” принять русское подданство и платить ясак, все же остальное, включая и заинтересованность их в торговле, вполне достоверно. Более того, здесь достаточно отчетливо проявляется тот политический опыт, который русские приобрели в предшествующие десятилетия своего пребывания в Сибири, - покорение крупных этносов почти автоматически приводило к подчинению соседствующих с ними малых народов или отдельных субэтносов.

В 1627 г. Максим Перфильев с отрядом в 40 человек вторично пытается достичь Братской земли. Он поднимается по Ангаре до ее правого притока Илима, а затем далее до больших порогов, преодолеть которые ему не удалось. Перфильев поставил в 60 верстах от устья Илима зимовье, несколько лет служившее единственным опорным пунктом русских в Байкальском регионе, и двинулся сухим путем далее вверх по Ангаре. Однако кочевий икинатов, живущих в устье Оки, Перфильев не достиг, но ему удалось “привести под высокую государеву руку” и собрать значительный ясак с налягирских князев Кенег, Балей и Куры-

быля на Илиме, с шамагирских князцов Хеленгу на Гее и Когоня на Ангаре, а также с верхнеангарских (ордынских) тунгусов князца Чеунка. Отметим, что все эти тунгусы сопротивление русским не оказали и ясак в размере “10 сороков и 28 соболей, 30 недособолей и 3 тугнусских собольих шубы” дали добровольно, тем самым признав новую власть. Но на обратном пути в низовье Ангары, в районе “рыбной ловли”, где на следующий год и был поставлен Рыбный острог, нижнеангарские тунгусы, собрав около 300 воинов, в который раз напали на русский отряд. Десять человек, включая и самого Перфильева, были ранены и один убит. Но, все же, русским удалось отбиться, спасти собранный ясак и добраться до Енисейска [ААН, ф.21, оп.4, № 22, сс. 87-91, № 38]. Эта разница в поведении тунгусов двух достаточно близких районов, но относящихся к разным субэтносам [см. статью Н.В.Ермоловой в настоящем сборнике], заслуживает внимания. Так, тунгусы нижнего течения Ангары на 10 лет задержали продвижение русских на восток, а шамагиры, налягиры и камчагиры Предбайкалья не только без особого сопротивления подчинились русским, но и оказали им существенную помощь в освоении региона и подавлении сопротивления икинатов, булагатов, эхэритов и хонгодоров, примерно так же, как остяки в отношении тунгусов на Енисее.

В литературе принято мнение, что тунгусы Прибайкалья, находящиеся в даннической зависимости от монголоязычного населения региона, достаточно благожелательно отнеслось к появлению русских, видя в них защиту от притеснений своих соседей. Но только ли желание избавиться от социально-экономической подчиненности предкам бурят, заставила прибайкальских тунгусов оказывать помощь русским? Ведь освободившись от угнетения одних, они сразу же попадали в подчинение другим. Представляется, что в данном случае явление это имело более сложную основу, лежащую в области психологии, обусловленной особенностями этногенеза. В связи с этим приведем некоторые факты, в какой-то степени позволяющие приблизиться к пониманию данной проблемы. Так, в 1630 г. атаман Иван Галкин посылает с Ленского волока на Лену к налягирам за ясаком всего 6 человек. “И десятник ... Алешка Ермолин с товарищи на Лене реке с новых земель с тунгуских и с налягских людей и с сычегуров с князца Епки (в других документах - Гипки/Липки - *Л.П.*) с товарищи взял ... государеву ясаку собольми и шубами собольми и бобрами и ярцами и кошлоками за 5 сороков за 6 соболей...” [ААН, ф.21, оп.4, № 22, л.97, № 39]. Следовательно, 6 человек смогли получить ясак, по крайней мере, с 20-30 (если не более) тунгусов, не встретив никакого сопротивления. В этом же году Галкин сообщал в Енисейск, что “тунгуские люди князьцы наляские и шаманские били челом великому государю: приходят де на нас с Нижней Тунгуски мучюгирские люди и шияги и нас де по вся годы побивают многих людей ...” [ААН, ф. 21, оп.4, № 22, с.106, № 41].

Сведения эти приоткрывают этнополитическую ситуацию в северном районе Предбайкалья, на границе лесостепи и тайги. Предбайкальские налягиры и шамагиры обращаются к русским с просьбой защитить их от набегов нижнетунгусских шиягиров и мучюгиров, оказать самостоятельное сопротивление которым они не в силах. Отметим, что появление русских обостряет отношения между этими тунгусскими субэтносами. Так, в 1628-1631 гг., когда отряды енисейских служилых людей вышли в район Илима и верхнего течения Лены, нападения тунгусов шиягиров участились. Более того, налягирские и шамагирские князцы в 1630 г. жаловались Ивану Галкину, посланному на Лену, что “называют де нас те мучуги и шияги худые де вы люди, что де ... с себя платите государю, а русских людей не побиваете, а мы де на Тунгуске реке и на Лене русских людей побиваем на всяк год, а ясаку с себя не даем ...” [ААН, ф.21, оп.4., № 22, с. 107, № 41]. В марте 1631 г. атаман сообщал в Енисейск: “А пошел, государь я на Лену за волок для ради острожной ставки без вожа, а вожа, государь, на Илиме и на Идирме взять негде, тунгусов нет, розбежались врознь от мучюгирских людей и шиягов” [ААН, ф.21, оп.4, № 22, л.110, № 42]. Позднее енисейский воевода князь Семен Шеховской сообщал в Москву, в Сибирский приказ, что “... те де, государь, мучюги и шияги многие ж люди и тебе государю непослушны, а тем, государь, всем земляцам тунгу-

ским и наленским (налягским - Л.П.) и сычегурским людям они сильны и их де, приходят, громят по вся годы” [ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 97, № 39]. Более того, шиягиры, как впрочем и тунгусы нижней Ангары, нанесли также значительный урон и русским промышленникам, которые первыми проникли в их земли, и появившимся здесь несколько позднее русским военным отрядам. В 1630 г. тунгус из налягиров рассказывал тому же Ивану Галкину, что мучюгиры и шиягитры на Нижней тунгуске “ всегда побивают русских людей, человек по 70 и больши и по сту; а только де вас побьют, ино де слава худая о вас пойдет ...” [ААН, ф.21, оп.4, № 22, с.106, № 41].

Это кардинальное различие в отношении разных тунгусских субэтнотосов к русским объясняется несколькими факторами. Первое - тунгусы нижнего течения Ангары и Нижней Тунгуски были неотъемлемой частью основного массива западно-тунгусского этноса, постоянный процесс этнической регенерации которого, как бы омолаживающий этнос, позволял сохранять им высокий уровень пассионарности, обуславливающий стремление к независимости и непримиримость к иноэтничному господству. Второе - западные тунгусы занимали все пространство тайги между Енисеем и Леной, составляя удивительно монолитное этническое поле. Процессы этнической регенерации носили в основном эндогенный характер, т.е. шли на уровне взаимодействия различных тунгусских субэтнотосов и не выходили далеко за пределы тунгусского этнического поля. В этнокультурные контакты с другими народами вступали только те субэтнотосы, которые были расселены на границах обширной таежной территории. Эта относительная замкнутость этно- и культурогенеза основного ядра западных тунгусов не могла не отразиться на характере их менталитета, вырабатывая в нем сопротивление иноэтничному воздействию.

Предбайкальские шамагиры, налягиры и камчагиры обитали на периферии ландшафтной и этнокультурной целостности тунгусского этноса, в контактной лесостепной зоне, где, начиная с эпохи раннего средневековья, происходили интенсивные этногенетические процессы ярко выраженной экзогенной направленности: сначала появление тюрок и сложение курыкан, затем несколько притоков монголоязычного населения и формирование эхэритов, булагатов, хонгодоров и хоринцев. Таким образом, эти периферийные тунгусские субэтнотосы развивались в атмосфере широкого межэтнического взаимодействия, что, безусловно, способствовало укоренению в их сознании терпимости к иноэтничному присутствию. Существенное влияние на формирование их менталитета оказал и присущий степным скотоводам-кочевникам открытый тип культуры с его восприимчивостью к инновациям, психологической адаптивностью и быстрому вступлению в симбиотические связи с обществами иных хозяйственно-культурных типов. Однако, возникшие в XIV-XVI вв. монголоязычные прото-бурятские этносы обладали более высокой степенью пассионарности, более высоким уровнем хозяйства и стадийно более развитыми социальными отношениями, что обеспечило им доминантное положение в регионе, как в политическом, так и этнопсихологическом отношениях. Это привело к тому, что процесс этнической регенерации в среде тунгусов Предбайкалья постепенно угасает, они утрачивают активность, свойственную более северным субэтнотосам, меняются у них и стереотипы поведения - возникает стремление к спокойному и относительно благополучному существованию за счет политического и экономического подчинения соседям. Появление русских в Предбайкалье, этноса более сильного, чем коренные монголоязычные народы, определило достаточно быструю переориентировку тунгусов на приобретение покровительства новых пришельцев. Уже в 1631 г. Петр Бекетов после первой победы в столкновении с эхиритами доносил с Лены в Енисейск о налягирах: “А прежде тово с тех тунгусских людей, которые живут на усть Туруты реки, имали ясак те брацкие люди, которых мы побили. И видя те тунгусские люди к себе государскую оборону, учинились под государскою высокою рукою неотступны” [ААН, ф.21, оп.4, № 22, с.133, № 49].

В XVII в. тунгусы Предбайкалья оказались сразу между трех огней, но при этом, практически, никому не оказывали сильного сопротивления. То они бежали “в братья” от нападе-

ний родственных им шилягов и мучугов, то просили защиты у русских от притеснений своих прежних покровителей “бращих людей”, то уходили с “братами” от русских отрядов.

Вся эта ситуация заслуживает внимания еще и в силу того, что ее развитие получило продолжение в XVIII-XIX вв., когда новый виток этногенеза, а именно, сложение бурятского этноса, привел к значительному поглощению тунгусского населения региона, что отразилось в резком увеличении численности бурят и очень незначительном росте эвенкийского этноса. Конечно, определенную роль в ассимиляции тунгусов сыграли и русские. Но к анализу этого процесса следует обратиться несколько позднее.

Первая встреча предков бурят с русскими произошла весной 1628 г., когда в “Брацкую землю” одновременно по Ангаре и по Уде (левый приток Ангары, район будущего Нижнеудинска) отправляются два отряда, первый из которых возглавляет стрелецкий сотник Петр Бекетов, второй — стрелецкий пятидесятник Василий Черменинов. В отряде Бекетова числилось 19 человек, в отряде Черменинова - 20 человек. Оба похода прошли достаточно мирно.

Достигнув сначала Илима, Петр Бекетов, преодолев большие ангарские пороги, поднялся до устья Оки и собрал ясак с икинатов. Ему удалось “привести под высокую государеву руку” нескольких икинатских князцов - Кодогуня, Кодогура, Кулзузу, Адая (далее в документах - Братая), Баяракана, Букина [ААН, ф.21, оп.4, №.22, сс.105-112, № 43; ф.21, оп.4, № 17, лл.218-220 об., № 141]. Затем он поднялся по Ангаре до устья Уды, где получил ясак и с “большого” булагатского князца Омогула [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, с.23, № 16]. Бекетов пробыл на Ангаре, Илеме, Оке и Уде около года, но с “бращих” князцов он собрал очень небольшой ясак (за 1628 г. - 47 соболей и за 1629 г. - “60 соболей да 27 недособолей с пупки и хвосты, да пластина лисья красная”). Общее же количество ясака равнялось 602 соболям, т.е. основная его часть была собрана с ангарских тунгусов шамагиров, которые к этому времени уже достаточно исправно платили ясак [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, с.26, № 19]. Вернулся Бекетов в Енисейск только весной 1629 г. Его успехи в объяснении “братских людей” были встречены в Енисейском остроге с большим энтузиазмом. Еще в январе 1629 г. воевода Василий Аргамаков отправляет к Бекетову с Василием Сумароковым дополнительное “жалование бращим людям олова в блюдех” и наказ “острог поставить и всякие острожные крепости поделать и избы и анбары в остроге поставить”. [ААН, ф.21, оп.4, № 22, л.284, № 93]. Однако, выбрав место для острога, Бекетов поставить его не успел, кончились запасы продовольствия, пороха, “царских подарков”.

На Уде Черменинову удалось объяснить ашехабатских князцов Кохоню и Кадыма, получив с них 59 соболей и 3 выдры и уже осенью возвратиться в Енисейский острог [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, с.19, № 14].

Ничего удивительного в том, что икинаты, булагаты и ашехабаты позволили собрать с себя ясак, не оказав сопротивления, нет. Во-первых, встреча с русскими не была для них неожиданной, т.к. вести о приближении нового народа доходили до них давно, а толерантность менталитета всех участников этих контактов предопределила их мирный характер. Во-вторых, как уже отмечали исследователи, русские одаривали князцов “царскими подарками” (медной и оловянной посудой, тканями и т.п., товарами весьма ценными для сибирских народов), что воспринималось как начало “дипломатических отношений”, и отдаваемая русским пушнина расценивалась ими отнюдь не как дань, а как ответные дары, тем более, что русские никогда сразу же не устанавливали норму ясака, а просили столько, сколько могли им дать. “Государево жалованное слово”, смысл которого сводился к мирному приглашению войти в подчинение московскому царю, было столь необычным, особенно на фоне отношений с монголами, сопровождающихся насилием и грабежом [Е.М.Залкинд, 1958, с.17], что не могло быть воспринято адекватно. Да и малочисленность русского отряда, не проявлявшего агрессивности, не вызывала серьезных опасений.

Однако первые успешные контакты русских с населением Предбайкалья оборвались уже в следующем 1629 году, и причиной этому был погром, учиненный отрядом Якова Хрипунова и присоединившимися к нему казаками Красноярского острога. Инцидент этот достаточно подробно освещен в литературе [А.П.Окладников, 1937, сс.49-61], и, тем не менее, он сыграл столь существенную роль в истории освоения Байкальского региона, что полностью обойти вниманием это событие невозможно.

Успехи Петра Бекетова среди “брацких людей” и строительство Рыбного острога, обеспечившего относительную безопасность русских на нижнем течении Ангары, позвораили поставить вопрос о поисках серебряной руды, которой, по поступающим известиям, была так богата “Брацкая земля”. С этой целью в 1628 г. в Тобольске началась подготовка специальной экспедиции, во главе которой был поставлен бывший енисейский воевода Яков Хрипунов. Отряд Хрипунова набирался из людей разных городов Сибири - Пелым, Сургут, Томск, Тобольск, в него вошли в основном казаки, промышленные и просто “охочие и гулящие” люди (последние составляли наиболее деклассированный элемент общества). Национальный состав отряда также был достаточно пестрым - русские, черкесы (украинцы), немцы, литовцы, т.е. представители тех народов, из которых складывалось в XVII в. русское население Сибири. Видимо, в организации экспедиции большую заинтересованность проявил и сам Хрипунов, т.к. именно он, будучи воеводой в Енисейске, одним из первых получил известия о “братском серебре”, о чем неоднократно упоминал в своих донесениях в Тобольск, Томск и Москву. Ему удалось это предприятие, так как сибирские власти были крайне заинтересованы в открытии серебряной руды.

Московскому государству требовались большие средства, оно только что покончило со Смутой, продолжая вести войну с поляками, литовцами и шведами за свои земли на северо-западе; необходимы были деньги и на внутреннее строительство, так как значительная часть страны была разорена. Одним из основных источников этих средств была сибирская пушнина (“сибирское золото”), которую старательно добывали за Уралом: пушшиной собирали ясак и десятинную пошину, пушнину покупали на казенные деньги и товары, пушнину подносили в дар царю и сибирским воеводам, часть ее также поступала в казну [ААН, ф.21, оп.4, № 27, сс. 298-302, № 96]. Именно поэтому Московское правительство, несмотря на все тяготы времени, усиленно поддерживало и стимулировало движение на восток. Не будет большим преувеличением сказать, что в XVII в. Сибирь помогла Московии выжить. Так, например, за 1628 г. только в Енисейском остроге было собрано в ясак 6 813 соболей, не считая другой пушнины, а также десятинной пошлыны, собираемой с промышленных людей [ААН, ф. 21, оп.4, № 22, сс.39-41, № 25]. Естественно, что известие о серебре в то время приобретало особое государственное значение. И, тем не менее, можно с уверенностью сказать, что экспедиция была преждевременной: Предбайкалье еще не входило в состав государства, в южных пределах русских владений в Сибири было крайне неспокойно, им угрожали калмыки и кыргызы; то там, то тут уклонялись от уплаты ясака различные группы коренных народов, а русские силы в Сибири были очень незначительны.

Однако, весной 1628 г. многочисленный по тому времени отряд в 145 человек, получивший статус полка, в чем отразилась государственное значение предпринимаемой экспедиции, выступил из Тобольска в Енисейск на 10 кочах с годовым запасом продовольствия и достаточно большим снаряжением. Отряд “отправился водою по рекам Иртышу, Оби и Кети до Маковского острога, откуда осенью пошел сухим путем к реке Енисею и зазимовал в Енисейске”. Еще на Оби, недалеко от Нарыма, отряд Хрипунова встретил возвращающихся с промысла промышленников и отобрав всю пушнину, заставил владельцев выкупать ее, правда, по умеренной цене [Архив МАЭ, ф. К-V, оп. 1, № 760, гл.11, с.11]. Подобным образом вел себя полк Хрипунова в Енисейском остроге и его округе [ААН, ф.21, оп.4, № 22, лл.41-42, № 26].

Грабежи, творимые людьми Хрипунова енисейский воевода князь Семен Шеховской пресечь не мог, так как Хрипунов по выданной ему “Наказной памяти” подчинялся тоболь-

ским воеводам, да и сил у него для этого не было. Гарнизон Енисейского острога в то время состоял из ста человек, большая часть которых постоянно рассылалась по ясачным волостям уезда и в новые земли. Но сразу же после ухода отряда из острога, Семен Шеховской пишет в Москву о всех творимых Хрипуновым безобразиях, которые привели, естественно, к большому недобору десятинной пошлыны с промышленников, а позднее и ясака [ААН, ф.21, оп.4, № 22, лл. 41-42, № 26].

Хрипунову не предписывалось определенного маршрута и он был достаточно свободен в передвижениях по территории “Брацкой земли”. Его задачей был поиск серебряной руды, но сбор ясака или десятинной пошлыны ему в обязанности включены не были, это оставалось прерогативой исключительно Енисейского острога, что свидетельствует о стремлении властей к организации четкого государственного порядка на новых сибирских землях. Однако, сам Хрипунов, как мы видим, преследовал более широкие цели, среди которых не последнее место занимало стремление закрепиться в отдаленных, богатых землях, возможно, в качестве воеводы в каком-нибудь новом остроге, и свои намерения он, видимо, не скрывал. О них ярко свидетельствует Наказная память, отправленная 29 января 1629 г. в Илимское зимовье Петру Бекетову енисейским воеводой Василием Аргамаковым: “А я послал к тебе служилых людей Васку Сумарокова с товарищи а с ним послал государева жалования брацким людем олова в блюдах да с ним же было хотел послать тебе колмыцково толмача Гришку Яковлева, что прислан был с Тобольска ... И Яков Хрипунов, не хотя того, чтобы твоя к государю служба учинилась, чтоб ему их брацких людей под государеву высокую руку привести и ясак имать и вашу бы ко государю службу отнять, того толмача Гришку в Маковском острожке у служилых людей отнял насильством”. Далее, Петру Бекетову предписывается сразу же по получении этой “памяти” приступить к возведению острога, “чтобы Яков Хрипунов Илима реки не отнял и ясаку по Илимю збирать не послал, чтобы в том Енисейском остроге ясачного недобору не было и ваша служба не пропала” [ААН, ф.21, оп.4, № 22 лл. 285. № 93].

Как мы видим, намерения Якова Хрипунова сильно обеспокоили енисейского воеводу, так как они угрожали всей, с таким трудом налаженной деятельности Енисейского остога в этом крае. И совершенно не правы те исследователи, которые видят в заботе о сборе ясака только алчность острожных властей. Его количество, в контексте новой налоговой политики государства, являлось мерилем качества службы уездных властей и гарнизона острогов. Бесчисленные отписки воевод в Тобольск и Москву об успехах покорения новых земель и народов, обстоятельные отчеты о собранном ясаке и подробные объяснения о причинах его недобора свидетельствуют о соблюдении ими, прежде всего, интересов государственных, хотя нельзя отрицать и стремление этих людей к собственному обогащению. Но не оно определяло их деятельность в целом, как это иногда изображается в исследованиях по истории Сибири.

Именно в государственных интересах, для сбора ясака и контроля за деятельностью полка на территории уезда, был включен в отряд Хрипунова подъячий Максим Перфильев “с товарищи”, а вскоре после ухода полка Василий Аргамаков посылает 10 человек во главе с десятником Василием Бугром на реки Куту и Лену, явно для того, чтобы опередить Хрипунова в приведении “под государеву высокую руку” новых земель [ААН, ф.21, оп.4, № лл. № 23]. Так, впервые в 1629 г. русские енисейские государственные служивые люди выходят на Лену и, хотя промышленники с Мангазей и Березова появились там раньше и уже охотились и торговали с тунгусами и якутами, земли по верхнему и среднему течению Лены и ее притоками первоначально вошли в Енисейский уезд, т.к., располагались ближе всего к Енисейскому острогу, что свидетельствует о логическом принципе внутреннего устройства вновь присоединяемых сибирских территорий.

Весной 1629 г. полк Якова Хрипунова покинул Енисейск и двинулся по Ангаре в Илимское зимовье, которое и являлось его основной базой в течении всего пребывания в Предбайкалье, вплоть до лета 1630 г.

Поход Хрипунова совпал с бунтом красноярских казаков, что в значительной степени усугубило события, развернувшиеся на Ангаре и Илеме в 1629 г. Красноярский острог, возведенный в 1628 г. казачьим атаманом Андреем Дубенским по решению тобольских воевод на границе владений енисейских кыргызов, одном из наиболее незащищенных мест новых сибирских владений государства, должен был оберегать южные рубежи Енисейского уезда, а, главное, существующие и постоянно расширяющиеся здесь крестьянские поселения и пашни. Поэтому неслучайно первый гарнизон Красноярска составляли исключительно казаки, представлявшие собой в это время наиболее дерзкую часть русских войск, кстати, не только в Сибири. Чтобы понять поведение казаков в первые десятилетия XVII в. в Сибири, следует вспомнить о роли казаков в русской Смуте 1605-1613 гг., когда они представляли самостоятельную силу, выступали на стороне обоих Лжедмитриев, некоторое время фактически держали в руках Москву, а небольшие казачьи “шайки”, как называли их в то время, грабили города и деревни на значительной территории европейской части России. “Замирить” и успокоить казаков удалось только к 1617, после нескольких нанесенных им поражений в 1614-1616 гг. [С.Ф.Платонов, 1997, сс.287,303, 309,316,372-374]. Часть этих казаков была сослана в Сибирь, другая - направлялась туда на государственную службу, и все они постепенно вливались в гарнизоны острогов, что не могло не сказываться на настроении служивых людей в этих отдаленных землях развивающегося государства.

Так как путь в новый острог на Красном яре лежал через Енисейск, да и сам он был расположен, фактически, на границе Енисейского уезда, то поставка хлебных запасов и денежного жалования осуществлялась через Енисейский острог. В то же время стратегическая важность Красноярска, как пограничного острога и центра будущего нового южного уезда, сразу же определило его административное подчинение центральной сибирской власти в Тобольске. Это двойственное положение Красноярска в момент его возникновения, по сути, и спровоцировало бунт.

Весной 1629 г., когда полк Якова Хрипунова, готовился к походу, из Енисейска не смогли отправить красноярцам хлеб, и приехавший к ним казачий атаман Иван Кольцов привез только денежное жалование. Начавшийся голод послужил причиной бунта всего красноярского гарнизона. Кольцова убили, выместив на нем все свое негодование, и приняли решение идти на Енисейск и отобрать “тунгусские ворота”, т.е. путь на Ангару в богатую Братскую землицу [ААН, ф.21, оп.4, № 22, л.50, № 28]. Дело в том, что за год до этого, сразу после возведения острога Андрей Дубенский получил указание из Тобольска “послать в Братскую землицу послов для государева ясаку, шtbody чтобы оне братские люди были под государевою высокою рукою ...” [ААН, ф.21, оп.4, № 17, лл.127 об., № 105]. Но взятые в проводники аринские князцы Сот и Тымак, сославшись на воинственное настроение тунгусов, вести красноярцев на Уду к ашехабатам отказались, и поход не состоялся.

Именно в этот год отряды Енисейского острога впервые достигли “братских людей” и взяли с них первый ясак, опередив красноярцев и присоединив эти земли к Енисейскому уезду, но известие об этом не успело дойти до Тобольска, чем, видимо, и объясняется наказ, данный Андрею Дубенскому.

Голод, возникший в Красноярском остроге, бездействие и, видимо, общая неприязнь к стрельцам, а именно они составляли в то время большую часть енисейского гарнизона, всколыхнули казаков, направив все их негодование против Енисейска, как они считали, виновника их бед. Андрею Дубенскому не удалось подавить бунт, он смог лишь, как бы отмежеваться от него, заявив: “... я де вас не посылаю, не унимаю, как хотите”. Однако, наказную память, предписывающую казакам идти на государеву службу в “Братскую землю”, воевода все же вынужден был дать [ААН, ф. 21, оп.4, № 22, с. 52, № 28].

Захватить Енисейский острог, как планировалось, красноярцам не удалось и, простояв безрезультатно под Енисейском три дня, эта голодная и обозленная ватага казаков, численностью около 140 человек, отправилась по Ангаре и добралась до Илима, где соединилась с отрядом Якова Хрипунова [ААН, ф. 21, оп.4, № 22, с.56, № 28].

Неудивительно, что грабежи начались сразу же. В 1629 г. в отписке в Москву “Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу” енисейский воевода Василий Аргамаков сообщал о красноярцах: “... и пошли в Тунгуску (Ангару - Л.П.), и в Тунгуске, государь, реке промышленных людей, которые было пошли на соболиные промыслы, многих переграбили до нага и запасы у них всякие и соболиные промыслы и котлы и ружья всякое и суды поимали” [ААН, ф. 21, оп.4, № 22, с.55, № 28].

“Наказная память”, выданная красноярцам Андреем Дубенским придавала походу красноярцев, в их собственных глазах, значение дела государственного. Достигнув в устье Оки “брацких” улусов они стали требовать ясак, но так как икинаты уже заплатили его Петру Бекетову и вторично давать не собирались, оказав вооруженное сопротивление, красноярцы стали громить их. Судя по “отпискам” красноярцев в Москву, они разорили улусы икинатов и выше по течению Оки ашехабатов, а затем, поднявшись по Ангаре до Уды (возможно, совместно с отрядом Хрипунова), и булагатов, т.е. те самые улусы, в которых побывал Петр Бекетов и которые считались уже ясачными [А.П.Окладников, 1937, с. 54].

Однако, основную силу русских в Предбайкалье в этот момент составлял отряд Якова Хрипунова. Достигнув Илимского зимовья Хрипунов оставляет здесь большие суда, основную часть продовольствия и 20 человек охраны, отряд в 30 человек отправляет вверх по Илимю на Лену, где он соединился с отрядом енисейского десятника Василия Бугра, а сам во главе остальных идет сухим путем вдоль Ангары на юг к озеру Байкал. Но дойти ему удается только до Уды - ожесточенное вооруженное сопротивление, оказанное булагатами, заставляет его вернуться в Илимское зимовье, где 17 февраля 1630 г. он неожиданно умирает. Здесь важно отметить, что несмотря на несколько одержанных побед, отряд численностью около 100 человек (не считая красноярцев), вооруженных огнестрельным оружием, вынужден был отступить, явно опасаясь поражения. В плен хрипуновцы захватили 21 человека, в основном женщин и детей, т.е. в два раза меньше, чем красноярцы на Оке, так что булагаты оказали Хрипунову достойное сопротивление, значительно более сильное, чем икинаты и ашехабаты красноярцам. Основную роль в этом сыграла, видимо, большая численность булагатов по сравнению с населением Оки. Так, по данным Б.О.Долгих, в первой половине XVII в. икинатов и ашехабатов было около 800 человек (соответственно, взрослого мужского населения - около 160 человек), а булагатов - свыше 2 000 (соответственно, взрослых мужчин - около 400) [Б.О.Долгих, 1960, сс. 285, 220.]. Сопротивление, оказанное ими, произвело на русских сильное впечатление. Когда весной 1630 г. енисейский воевода Семен Шеховской хотел усилить отряд Максима Перфильева, направленный для строительства Братского острога, за счет людей Хрипунова, находящихся в Илимском зимовье, те категорически отказались идти вверх по Ангаре, “потому что брацкие де люди их не пропустят, учнут убивать ...” [ААН, ф.21, оп.4, № 17, лл. 149 об.-152 об., № 124].

Мы видим, и все последующие события подтверждают, что агрессивность со стороны русских вызвала незамедлительную реакцию предбайкальских монголоязычных этносов, военное сопротивление которых продолжалось до середины XVII в. На протяжении этого времени оно меняло свои формы, начиная от активных нападений на острожные гарнизоны и кончая временным уходом в Забайкалье и далее на территорию Монголии, но, фактически, не теряло своего накала, пока политическая, социальная и этническая ситуация, сложившаяся с включением занимаемых этими этносами земель в состав Российского государства, не приобрела ту благоприятную стабильность, которая начала стимулировать центростремительные этногенетические процессы становления уже нового бурятского этноса. Активное противостояние булагатов (включая икинатов и ашехабатов), эхиритов, хонгодоров и хоринцев той угрозе системной целостности своих этносов (экономическое разорение, убийства мужского населения, увод в плен женщин и детей, подростков и т.д.), которая возникла в результате действий отряда Якова Хрипунова, красноярцев, а позднее и некоторых других, свидетельствует о высокой пассионарности этих народов, их способности защищать себя и отстаивать право на свою землю. Это позволяет говорить не только о высокой степени разви-

тия этнического самосознания этих народов, но и о том, что в XVI - начале XVII в. они переживали значительный подъем. Все это достаточно ярко проявилось и в жесткой реакции на возникшую опасность со стороны русских, и в активном продвижении ашехабатов перед приходом русских на запад (заселении района нынешнего Нижнеудинска), и в их походах на енисейских остяков, и в политическом и социально-экономическом подчинении предбайкальских тунгусов.

Итак, летом 1629 г. в Предбайкалье находилось около 300 человек русских, вооруженных огнестрельным оружием, настроенных на богатую добычу, обозленных голодом и лишениями, без четкой внутренней организации, часть из которых не подчинялась никому: ни выборным старшинам, ни Якову Хрипунову. Они собирают ясак с местного населения, фактически не имея на то разрешения уездных властей, грабят его, сопротивление подавляют силой, захватывают в плен женщин и детей. Из ясачных книг Енисейского острога следует, что больше всего пострадали улусы икинских князцов Кодогуня, Баяракана и Баратая [ААН, ф.21, оп. 4, №17, лл. 195-204, № 136]. И все же, возникшую ситуацию, несмотря на то, что, к сожалению, она не была единичной в истории продвижения русских по Сибири в XVII в., не следует воспринимать как явление обыденное, и поэтому представляется очень важной реакция на него центральной власти.

Во всех последовавших за этими событиями русских документах они рассматриваются не иначе как “погром, учиненный Якова Хрипунова полком и красноярцами”, и в течение пяти последующих лет и сибирские, и московские власти прилагают огромные усилия для восстановления мирных отношений с “братскими” народами. Всех захваченных в плен коренных жителей (общим числом 69 человек) енисейский воевода забирает на аманатский двор, кормит их за счет жалования красноярцев и полка Хрипунова и принимает решение вернуть их в родные улусы. Красноярский гарнизон по “челобитной” воеводы Семена Шеховского частично расформировывают, а в 1632 г. по царскому указу в Енисейск посылается письменный голова Федор Дементьев для окончательного разбирательства по делу о незаконно захваченном ясыре (пленных). Опросив 35 енисейских стрельцов и выяснив, что пленные взяты в улусах, заплативших ясак Петру Бекетову, Дементьев выносит постановление отправить их обратно в Братскую землю [ААН, ф. 21, оп.4, № 17, лл. 218 об.-220 об., № 141]. Однако, к этому времени отношения с монголоязычным населением Предбайкалья настолько обострились и их военное сопротивление приняло столь широкий широкий размах, что острожные власти пришли к другому решению — требовать с князцов взамен пленных “в аманаты добрых брацких людей”, а если те откажутся, оставить всех пленных в Енисейском остроге. Узел этнополитического противостояния затягивается.

Русские власти, понимая всю негативность сложившейся ситуации, сразу же предпринимают попытку урегулировать отношения с икинцами мирным путем. 14 марта 1630 г. воевода Василий Аргамаков отправляет десятника Вихоря Савина и Сидора Аникиева к князцам Баракану, Братаю и Кодогуню с “госудаевым жалованным словом” и отправляет с ними захваченных красноярцами “князца Кодогуня сына Бугулдайко да Букиева улуса жонку именем Уенька” [ААН, ф.21, оп.4, № 22, сс. 63-64, № 34]. Но эта мирная акция сибирских властей обернулась новой трагедией, еще более осложнившей отношения между русскими и “братскими” народами Предбайкалья.

Приехав 8 апреля 1630 г. в острожек на Кошевом Яру, поставленный Хрипуновым близ Илимского зимовья, Вихорь Савин застает там полную анархию. В феврале умер Яков Хрипунов, и его полк остался без руководителя. Как отписал в Енисейск воеводе Вихорь Савин “...не ведают над собой небольшево, как хотят так и воруют ...”, а один из служивых полка Хрипунова, немец Анца из Тобольска ”стал говорить: мы де на томской и енисейской указ не слушаем и не гледиим ...” [ААН, ф.21, оп.4, с.59, № 31]. Документ этот, написанный простым десятником, удивительно красноречив в своей наивной правдивости и позволяет достаточно достоверно представить ситуацию, сложившуюся в Илимском зимовье, и ее последствия для отношения к русским коренного населения региона. Возвращение пленных, захваченных

красноярцами, вызвало негодование среди людей Хрипунова, считавших ясырь своей военной добычей. Савина “стали позорити всякою неподобною лаею”, пытались побить, выгнать из зимовья и отнять возвращаемых в родные улусы икинатов. В этой смуте некий Дмитрий из сибирского города Тары убил Булгудайко. Видимо, в этот же день произошло и другое, не менее дикое происшествие, как далее пишет в своем донесении Вихорь Савин, хрипуновцы “изымали женок у Гриши толмача да у татарина у Газгильдя двух, учили позорити при всем мире среди дни при иноземцах и учили сромити человек с 52 женок, а сами стоят кругом, а их среди кругу позорят, надругаются, ростепя за руки и за ноги держат”. Пытались они также отнять у Савина и опозорить посланную с ним икинатку Уенку, но помешало вмешательство священника.

Однако, в безобразиях, творимых в Илимском зимовье, принимали участие далеко не все собравшиеся там служивые люди. Как следует из описания Савина, бесчинствовали, главным образом, выходцы из западно-сибирского города Тары и Тобольска, в то время как служивые из Пелыми и Сургута вели себя более достойно, по крайней мере, они не позволили выгнать Савина и Аникиева из зимовья и приютили их у себя. Обращает на себя внимание тот факт, что в Илимском зимовье русские объединялись между собой по принадлежности к тому или иному сибирскому городу, из которого они прибыли на Илим: жили в одной избе, поддерживали друг друга в возникающих конфликтах. Это явление было уже отмечено А.П.Окладниковым, но без какого-либо комментария [А.П.Окладников, 1937, с.57]. А между тем, эта ситуация приоткрывает процесс становления в XVII в. сибирского субэтнуса русских. Если для XVI в. характерно объединение русских по принадлежности в городах Московии (архангельцы, новгородцы, рязанцы и т.д.), то для XVII в. оно идет уже по острогам и городам собственно Сибири, ставших очагами зарождения новой субэтнической общности. При этом, во вновь возникающих острогах первое время гарнизоны служивых людей менялись через год (эта служба и называлась “годовой”), но как только вокруг острога появлялись пашни, образовывались деревни и возникало сельское население, или острог становился центром уезда, а граница немирных земель отодвигалась, его гарнизон превращался в постоянный. Часть служивого люда покидало государеву службу, образуя посадское сословие или обзаводилось пашней, пополняя крестьянство. Так постепенно и складывалось русское население региона, четко осознающее себя сибиряками до сегодняшнего дня.

В приведенном выше документе, позволяющем представить погром 1629 г. и понять развитие дальнейших событий в Пербайкалье, достаточно ярко вырисовываются резко отрицательная оценка анархии в Илимском зимовье и Вихоря Савина, и многих находящихся там стрельцов и казаков. Это позволяет говорить о том, что основная идея государственной политики мирного присоединения новых сибирских земель и сохранения коренных народов осознавалась большей частью простого служивого сословия. Так, Савин, завершая свою “отписку” енисейскому воеводе, объясняет, почему посылает ее: “И то, государь князь Семен Иванович, для ради того, чтобы земли были в окладе, а как бы брацкие люди убивали ...”. Весь текст документа и, особенно слова “а какбы брацкие люди убивали”, т.е. как бы реагировали русские на бессмысленные убийства своих людей, показывает, что к коренным народам Сибири, несмотря на непохожесть культур, русские относились как к равным, и это являлось той характерной чертой их менталитета, которая и позволила включить в состав единого государства столь различные народы, создав условия для их дальнейшего развития.

Убийство Булгудайко не остановило Савина перед исполнением предписанного ему наказа и он все же отправился с Аникиевым и с Уенкой в улус князья Кодогуня, отца Булгудайко. Однако, это предприятие закончилось для Савина трагически, он был убит князем Баяраканом, дядей Бугулдайко. Баяракан же хотел убить и Сидора Аникиева, но того “уберег брацкой же князец Кодогонь: убить ево не дал и спровадил ево из своих улусов сам со свои-

ми людьми до государевых ясашных тунгусов”, которые и помогли ему добраться до острога [ААН, ф.21, оп.4, № 22, с. 65, № 34].

С 30-х годов начинается активное продвижение русских в Предбайкалье и усиливается сопротивление “братских” народов, вызванное уже не жестокостью, которую енисейские власти старались в этот период не допускать в отношении коренного населения, а той настойчивостью, с которой русские стремились обосноваться на их землях, видимо, почувствовав в этом серьезную угрозу своей независимости.

Летом 20 июля на Лену, по пути Василия Бугра, уходит атаман Иван Галкин, а 3 августа выступает на Ангару атаман Максим Перфильев и десятник Семейко Родюков. Отряды эти были по 30 человек, двигались они на больших судах, со значительным запасом продовольствия, “царского жалованья” и оружия, а в выданных им “памятях” указан сбор ясака и возведение острогов. Видимо, учитывая военные столкновения в Предбайкалье 1629 г., во всех “памятях” русским отрядам предписывается идти “бережно и усторожливо с караулом”, но при этом многократно повторяется наказ о том, что коренные народы “приводить под высокую государеву руку ласкою”, а ясак собирать “ смотря по тамошней мере, чтобы их ... государевым ясаком сперва не ожесточить” [ААН, ф.21, оп.4, № 22, сс.92-99, № 39]. Это красноречиво свидетельствует о том, что Москва была заинтересована не только и не столько в расширении собственно территории, сколько в увеличении числа подданных, т.е. податного населения, отчетливо осознавая, что сила и богатство государства базируются на человеческом факторе.

Иван Галкин доходит до устья Идирмы (правого притока Илима) и укрепляет поставленное здесь Василием Бугром зимовье, превращая его в маленький острожек, который и остается основной базой отряда до весны 1631 г. С помощью местного тунгуса налягира Галкин отыскивает новый, более удобный волок на Лену через реки Купу и Куту и отправляет по нему большую часть отряда во главе с Алексеем Ермолиным для возведения нового острога и сбора ясака. Сам же, оставшись в Идирмском зимовье, 4 ноября 1630 г. приказывает “ собраться в зимовье ясашным тунгусским людем, наляским и шаманским князьцем: наляскому князьцу Агирче да брате ево Мукине, да шаманскому князьцу Окинге и всем тунгусским наляским и шаманским и лутчшим людем з государевым ясаком”. И все они, действительно, явились в зимовье, принесли в ясак по 8 и 10 соболей (почти в 2 раза больше, чем дали Василию Бугру в 1629 г.), получили “царское жалованье” оловом и бисером, и “били челом великому государю о обороне, чтобы их тунгуских, наляских и шаманских людей государь велел оборонити о[т] мучюгов и о[т] шияягов”[ААН, ф.21, оп.4, № 22, с. 106, № 41]. Это вызывает незамедлительную реакцию тунгусов Нижней Тунгуски, и уже в 28 ноября поступает известие, что они шияягиры вместе с мучугирами собираются напасть на илимских тунгусов, заплативших ясак. Присутствие русских и их обещание оборонять ясашных тунгусов не успокоило шамагириров и нялягириров “ и все они побежали с Илима реки на Тунгуску (Ангару - Л.П.) под Браты, а иные де вверх по Илимуреке ... и в том государеву ясаку учинилась поруха великая”, - сообщает в своем донесении Иван Галкин.

Более того, весной 1631 г., когда стаял снег, “по черной тропе” шияягиры и мучугиры неожиданно нападают и на Идирмское зимовье, и на русский отряд, находящийся на Куте. В этих боях русские потеряли 8 человек, что было достаточно ощутимо для отряда, численностью всего в 30 человек. Потери среди тунгусов, к сожалению, не известны, но их нападение было отбито, русские достигли Лены и поставили весной 1631 г. в устье Куты новое зимовье, перестроенное позднее Петром Бекетовым в острог, получивший название Усть-Кутский [ААН, ф.21, оп.4, № 22, сс.103-108, № 41].

15 сентября 1630 г. Галкин посылает из Идирмского зимовья четырех служивых людей с налягирским проводником Ботогуном вверх по Лене к налягирскому князьцу Гипке (Липке - по более поздним документам). “И тот, государь, князец Гипка дал великому государю ясак с себя и своих людей вново 67 соболей; а преж того ... платил, государь, он ясак братьям: а братья, государь, живут от Гипки князца по Лене вверх 2 дни”, - пишет Иван Галкин енисей-

скому воеводе [ААН, ф. 21, оп.4, № 22, с.109, № 42]. Таким образом, в 1630 г. русские вплотную подошли к улусам эхэритов с северо-востока, фактически начав окружение предбайкальского региона.

Выше уже говорилось о ситуации, когда “отряды” русских в 2-6 человек в течение месяцев благополучно находились, собирая ясак, среди достаточно многочисленного тунгусского населения Илима, среднего течения Ангары и верхнего течения Лены, т.е. среди шамагиров, налягиров и никогигов [Б.О.Долгих, 1960, сс. 279-281]. Общее число ясака, собранного среди них в 1630 г. в размере “11 сороков 28 соболей” (468 шкур), свидетельствует, что, отнеслись они к появлению русских вполне дружелюбно.

Все эти события еще раз подтверждают совершенно разное отношение тунгусов лесостепного региона и таежных районов Нижней Тунгуски к русским и взиманию ими ясака, а, следовательно, и различный уровень активности этнического самосознания, который и определяет поведение этноса или субэтноса, особенно в острых политических ситуациях. Они также фиксируют резкое обострение межэтнических взаимоотношений в среде коренных народов Предбайкалья, а, главное, изменение ориентиров в этнокультурном взаимодействии, вызванное появлением нового, русского, этноса. Тунгусы Предбайкалья легко вступают в мирные контакты с русскими, но при этом значительно чаще подвергаются нападениям тунгусов с Нижней Тунгуски и чаще вынуждены уходить со своих земель. “ А бегаем де мы от тех мучюгов и шилиягов на другую сторону или на реки под Браты, там де места степные и не соболиные, государеву ясаку промышляти негде, а там де нас брацкие мужики побивают же а хотят с нас ясак имати”, - жалуются они Ивану Галкину [ААН, ф.21, оп.4, № 22, сс.106-107, № 41]. Они уходят на восток, за Лену к тунгусам никогирам или на юг к булагатам и эхири-там, что приводит к изменению этнической ситуации в регионе. Часть беглецов, естественно, вливается в состав этих этносов, что придает этногенетическим и этнокультурным процессам новую направленность.

Поход атамана Максима Перфильева и десятника Семена Родюкова с отрядом в 30 человек на Оку считался самым важным событием 1630 г., так как именно на Перфильева возлагались надежды окончательно заглавить учиненный Хрипуным и красноярцами погром и укрепить позиции русских в Брацкой земле, поставив там острог [ААН, ф.21, оп. 4, № 22, с.118, № 46]. Для первого острога близ “братских” улусов были отправлены две пушки, снаряды, да и сами служивые были хорошо вооружены. Кроме того, енисейский воевода Семен Шеховской вручает Максиму Перфильеву дочь князца Котогуня , паренька из его же улуса Окоя и сына князца Котогора, а также выдает ему “для брацких расходов 2 чети муки ржаной, 4 чети муки ячной, да четь круп овсяных, полтретья ведра вина горячего, пуд полосма безмена жиру рыба ...”. При этом, за детей с князцов велено было взять “подарки немалые” [ААН, ф. 21, оп.4, № 22, с.120, № 46].

Однако, уверенности в благополучном исходе дела у енисейского воеводы не было, поэтому Перфильев получает наказ “ итьтити бережно и сторожливо, чтоб им, пришед под их брацкие улусы блиско и, укрепясь гораздо, послать от себя к ним брацким людем, тунгусов, которые живут блиско их брацких людеи и государю которые прямят и велеть им говорить чтоб они брацкие людеи ехали к ним к Максиму и Семену с товарищи в острог к государскому жалованному слову ...” [ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, сс. 65-66, № 34]. Пожалуй, впервые за время продвижения по Ангаре русские не рискуют сами идти в братские улусы, а прибегают к помощи тунгусов. Но на месте Перфильев ведет себя еще более осторожно, в нарушение приказа, по которому он должен был сразу же подойти “ под их брацкие улусы блиско, и рассмотреть угожее крепкое место и поставить острог”, Перфильев обосновывается в укрепленном Илимском зимовье.

Здесь он оставляет большие суда, пушки и 15 человек охраны, а сам на легких стругах отправляется в устье Геи (позднее названной Вихоревой в честь Вихоря Савина). Из трех плененных детей, которых он взял из Енисейска, Перфильев привозит с собой на Оку только Окоя, а дочь и сына Котогуня и Котогора оставляет в Илимске. Не доходя до икинатских

улусов, он высылает к ним тунгуса Халинку с известием явиться к нему на переговоры. Вскоре Кодогонь, Кодогур и Братай, со своими людьми действительно приезжают к Перфильеву. Ведут они себя мирно, высказывают готовность платить ясак и быть верными московскому государю, обещают сыскать откочевавшего в степь князца Баракана, убившего Савина, и уговорить его прийти в острог. Но основной разговор сводится к возмущению погромом 1629 г. и просьбам вернуть им всех пленных, да и в ясак они отдают только 15 соболей, ссылаясь на полное разорение причиненное краснойярцами и полком Хрипунова. Перфильев одаривает князцов “царскими подарками”, устраивает им угощение и отпускает в улусы, не требуя взамен заложников (аманатов) [ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, сс. 65-69, № 34].

Конечно, русские документы не передают подробности переговоров и их истинный характер, но последующие действия Перфильева с очевидностью говорят, что мирное поведение икинатов было только видимостью и атаман почувствовал это. Он возвращается в Илимский острожек и отсылает в Енисейск донесение, что поставить острог на Ангаре у устья Оки силами его отряда и идти далее вверх по реке, как указывалось в выданной ему “Наказной памяти”, невозможно, так как “брацкие люди вверх по Ангаре не смирны: хотят з государевыми служивыми людьми битца для того, что они люди грабленные и совсем разорены” [ААН, ф.21, оп.4, № 22, с. 115, № 43].

К донесению Перфильева в Енисейске отнеслись очень серьезно, но общей политики мирного присоединения предбайкальских земель и приведения коренных народов “под государеву высокую руку ласкою” не только не изменили, но и усилили. Только в 1635 г. после особой царской грамоты, разрешающей применять к “брацким” народам силу, енисейские воеводы начинают в Предбайкалье военное наступление. Но этому предшествовали следующие события .

Весной 1631 г. из Енисейска с отрядом из 20 человек уходит по Тасеевой реке на Чуну и далее на Уду к ашехабатам Михаил Шорин, где совершенно неожиданно на него нападает со своими людьми князец Кориндей [ААН, ф.21, оп.4, № 22. с.121, № 46], который в 1628 г. весьма доброжелательно встретил отряд Череминова и добровольно заплатил ясак, дав шерть на верность московскому царю. В результате этого сражения русские захватили в плен 6 человек, включая и самого Кориндея, и 23 июля привели его в Енисейский острог. Фактически, это первое нападение ашехабатов на русских было началом активного военного сопротивления, основные действия которого развернулись несколько позднее на территории Предбайкалья. Но русские власти не восприняли это так однозначно и обострять отношения с “братскими” народами не решились, поэтому Кориндея достаточно быстро отпустили в его улусы , и уже в конце 1631 г. он кочевал по р.Ош (приток Уды).

Весной же, 8 мая 1631 г., воевода Семен Шеховской посылает на подмогу Перфильеву отряд в 20 человек во главе с пятидесятником Василием Москвитиним, и почти сразу же, 21 мая, еще 30 человек с пятидесятником Петром Ропотом. Они получают наказ возвести с Максимом Перфильевым в Братской земле острог и добиться от “братских” народов присяги (шерти) на верность московскому царю. С Ропотом было отправлено “брацким людям” государевых подарков “ 5 чети муки ржаной, 5 чети овса, пол третья ведра вина горячего”[ААН, ф. 21, оп.4, № 17, л.198, № 136].

Следом за этими отрядами, 31 мая 1630 г. уходит на Лену, на перемену Ивану Галкину с 30 служивыми людьми стрелецкий сотник Петр Бекетов. Наказ, данный ему воеводой Семеном Шеховским, обязывал Бекетова разослать служивых из Усть-Кута к тунгусским и “братским” людям и призывать их в острог. “ И как тех землиц князьцы и лутчие люди учинятца под государскою высокою рукою и учнут приходить в острожек ... их велено поить и кормить довольно и государево жалованье давать олово и одекую и государево жалованное слово сказывати и отпускати их в свои землицы, чтобы оне ... видя к себе государскую милость и иным многим землицам рассказывали и ко государской милости в острожек з государевым ясаком призывали” [ААН, ф. 21, оп.4, № 22, с. 127, № 49]. Как видно из текста, в документе уже и речи нет об аманатах или каких-либо иных насильственных действиях.

Перфильев, Москвитин и Ропот очень быстро поставили острог на правом берегу Ангары, хотя и не там, где советовал Петр Бекетов, а немного ниже устья Оки, перед порогом Падун, недалеко от улусов икинатов. И почти сразу же в этот первый Братский острог являются все икинатские князцы: Кодогунь, Кодогор, Братай, Унагей и даже Баяракан с племянником Нарозаном. Перфильев прилагает все усилия наладить мирные отношения с икинатами. Он возвращает Кодогуню и Котогору детей и, судя по всему, никаких отдельных подарков за них, как было велено, не берет, объявляет Баяракану о прощении ему убийства Вихоря Савина, не заводит речь и о заложниках, чтобы, как он позднее объяснял “не озлобить князьцов”. Им вручают подарки и устраивают угощение. В ответ все икинатские князцы приносят “шерть по своей вере” на верность московскому царю, дают ясак “2 сорока 28 соболей да пластину соболью да лисицу красную” и обещают “от государские милости быть неотступны навеки и ясак с себя и с своих людей государю давати” [ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, сс. 89-92, № 38; с.119, № 46].

Однако уже через месяц, 20 августа в Енисейск приходит известие от Василия Москвитина и Петра Ропота, что “августа в 8-й день прислали им брацкие люди в острог кыстымов 3-х человек шамана с товарищи а велели им служивым людям сказать, что они брацкие князцы от твоей государской милости отложились и тебе государю изменили и ясаку с себя и с своих улусных людей тебе государю давати не хотят ... и звали их служивых людей к себе битца ...”. Далее из документа следует, что икинатские князцы не только объединились, но и забрали в свои улусы подвластных им тунгусов. Икинаты осадили Братский острог и русские с трудом выдержали оборону. Когда же взять острог не удалось, “брацкие люди меж собою с тунгускими людьми уговорились, что им служивых людей везде которые пойдут из острожку для ясаку и на рыбных и на всяких промыслах побивать”. При этом, они объявили Москвитину, что ясак никогда русским не платили, а “Максиму Перфильеву соболи не в ясак дали, выкупили де теми собольми у атамана у Максима свой ясырь” [ААН, ф. 21, оп.4, № 17, лл. 195-204, № 136].

Известие о том, что “брацкие народы отложились от московского государя” еще больше усилило стремление енисейских властей к мирному урегулированию отношений. Воевода Семен Шеховской сразу же, уже 24 августа послал в Брацкую землю “в острожек на прибавку енисейских служивых людей Мишку Тарсково да Степана Потылицына с товарищи 6 человек, а с ними ... послал тово ж брацкого ясырю ко князцу Котогуню племянницу его жонку, именем Маня, з дочерью да племянника его Котогорева сына именем Киткея да с ним же ... к брацким князцам послал подарков Котогуню да Котогору да князцам Баратаю да Удыгидею по 4 аршина лазоревой лятчины (польское сукно - *Л.П.*) да Баяраканову сыну Нозорану аршин сукна настрафина черчатова (род сукна - *Л.П.*) да всем им брацким князцам по рубашке, по порткам, по чулкам, по чаркам ..., да ясырю Мане з дочерью да Котогореву сыну Ниткею куплено платье и обуви на 2 рубли на 3 алтына на 2 деньги ... послано в Брацкую землю в острожек на брацкие расходы к прежней посылке 2 чети муки ржаной, три чети муки овсяной, 2 пуда меду пресново, 10 безмен хмелю, да ясырю Мане с ребята дано в дорогу на корм до Брацкого острожку четь муки ржаной...” [ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 195-204, № 136].

Однако, все попытки русских властей “замирить брацкие народы” уговорами и подарками успеха не имели. В сентябре того же 1631 г. уже эхэритские князцы Бокой и Борочей со своими людьми совершают довольно дерзкое нападение на отряд Петра Бекетова в верховьях Лены. Это событие столь ярко рисует отношение в этот период “брацких” народов к русским, что заслуживает более детального рассмотрения.

1 сентября Бекетов, посланный на перемену Ивану Галкину, с отрядом в 20 человек поднимается вверх по Лене до реки Куленги и, оставив здесь суда под охраной нескольких человек, отправляется степью к улусам эхэритов. В проводники он берет четырех тунгусов налягиров - шамана с братом, с реки Куты, и князца Липку с сыном, с реки Куленги. Последние пошли с ним “своею охотою”, т.е. по своему желанию. Тунгусы предупреждают Бекето-

ва, что “брацких людей много больше двою сот человек”, поэтому, не доходя до эхэритских улусов, он строит в лесу засеку в виде сруба с бойницами и надолбами и отправляет к эхэритам тунгусского шамана известить их о “государевом жалованном слове” и явиться к нему с ясаком. Мы видим, что Бекетов использует ту же тактику, что и Максим Перфильев на Оке. В контактах с эхэритами он прибегает к посредничеству тунгусов, не решаясь со столь малочисленным отрядом вторгаться в их улусы - ситуация совершенно противоположна той, которая существовала при первых походах Петра Бекетова и Василия Черменинова. При этом, интересно, что в обоих случаях роль посланника исполняет шаман. Отметим, что и братские народы Предбайкалья в сношениях с русскими в этот период используют в качестве посланцев своих кыштымов тунгусов.

Эта посредническая роль тунгусов во взаимоотношениях русских и “братских” народов может служить ярким примером для реконструкции этнопсихологического состояния тунгусских субэтносос Предбайкалья, отражая его направленность на адаптацию к возникшей этнополитической конфронтации в регионе.

С тем же шаманом эхэритские князцы прислают ответ, что через три дня соберут ясак и привезут его Бекетову. 26 сентября князцы Бокой и Борочей с большим отрядом воинов, численностью 60 человек, приезжают к укреплению русских. Видя, что все они вооружены, Бекетов соглашается впустить их только при условии, что оружие они с собой не возьмут. Эхэриты соглашаются, но тайно проносят с собой под тулупами сабли. В укреплении Бекетов произносит перед ними “государево жалованное слово” и получает в ответ совершенно унижительный ясак - “5 недособолишек да лисиченко красное вешное со всех своих людей”. Более того, никакого уважения к словам Бекетова они не проявили и “почали они говорить: ясаку де мы с себя ни в какую землю не даем, а сами со многих земли ясак емлим, а ныне государю вашему ясаку не дадим и вас к себе в холопи розберем, ис своей земли вас не выпустим” [ААН, ф. 21, оп.4, № 22, сс.129-131, № 49]. В результате начался бой, в котором на стороне русского отряда приняли участие и взятые в проводники тунгусы. Русским с трудом удалось отбиться и, захватив у эхиритов лошадей, добраться степью до устья Тутуры. В этом бою погибли трое тунгусов - князец Липка с сыном и брат шамана Юорога, а из русских был ранен только один человек. В донесении Петр Бекетов сообщал, что “брацких людей” они убили 40 человек и многих ранили, но сведения эти не вызывают доверия, так как при таком посешном отступлении, как он описывает, считать убитых времени явно не было [Там же].

Несколько ранее, летом 1631 г. из Братского острога Баженко Поленов привез в Енисейск следующее известие: “, “что де брацкие люди ... государю ни в чем не послушны, и служивым людям, которые к ним в юрты ходят для ясаку, они брацкие люди наругаютца и их де служивых людей грабят и в юрты к себе зимнею порою ночевать не пуцают, а называют де их служивых людей худыми людишками ...”[ААН, ф.21, оп. 4, № 17, л. 203, № 136]. Здесь уместно вспомнить, что “худыми людишками” называли русских и народы Енисея, когда те в течение нескольких лет не могли подчинить тунгусского князца Тасея. Эти факты не обратили на себя внимания исследователей, хотя они, несомненно, во многом уточняют развитие отношений между русскими и коренными народами Сибири, в частности, Предбайкалья, на уровне этнопсихологического взаимодействия.

Когда-то Лев Николаевич Гумилев высказал удивительно верную мысль, что народы не обязаны любить друг друга, но должны друг друга уважать. Русские в начале 30-х годов XVII в. потеряли уважение у населения Предбайкалья и особенно у кочевых скотоводческих народов. Возникло это в силу различия культур, этнопсихологии и стереотипов поведения. Так, например, убийство Вихоря Савина, хотя и было ответом на погром 1929 г., тем не менее, являлось убийством государственного посланника, что среди кочевых народов Великой степи являлось величайшим преступлением и веской причиной для начала войны, т.к. посол считался личностью неприкосновенной. Достаточно вспомнить убийство монгольских послов русскими князьями при первой встрече на Днепре у Заруба и последовавшими за этим событиями [Н.М.Карамзин, 1991, т.3, с.485]. Недаром князец Баяракан, причастный к убий-

ству Савина, сразу же бежал в степь и даже не явился к Максиму Перфильеву, когда он в 1630 г. стоял на Оке с отрядом всего в 15 человек. Однако на смерть своего посланника русские отреагировали тем, что, не только помиловали Баяракана, но и пожаловали его царскими подарками. Далее, ссылаясь на погром, икинаты приносят Перфильеву ясак (дань) в 15 соболей, да и то плохих, а Петру Бекетову и того меньше - 5 соболей. За такое подношение любой монгольский хан или тайша не только бы разорил весь улус, но и казнил князцов. В 1631 г. Василию Москвитину в Братском остроге икинаты не только дают в ясак “худых соболишек”, но тунгусам и вовсе запрещают платить его. В ответ же енисейские власти снова отсылают им пленных и опять одаривают ценными подарками. Такое поведение русских, с точки зрения психологии воинственных кочевых народов, было противоестественным и расценивалось как слабость, которая не заслуживает уважения.

Конечно, определенную роль в этом сыграло то обстоятельство, что по царскому указу, данному после погрома 1629 г., было “брацких людей ничем гневить не велено, а велено де их брацких людей уговаривать ласкою”, поэтому ни тобольские, ни томские, ни, тем более, енисейские воеводы не могли самостоятельно предпринимать какие-либо активные военные действия в Предбайкалье [ААН, ф. 21, оп.4, № 17, л. 203, № 136]. Кстати, это еще раз свидетельствует, во-первых, о том, что русская политика в Сибири действительно была направлена на мирное присоединения новых земель, во-вторых, что власть центрального московского правительства распространялась на всю территорию государства, включая и вновь приобретенные земли, которые уже с конца XVI в. рассматривались как часть единого целого. Поэтому трудно согласится с широко распространенным мнением, что Сибирь изначально рассматривалась Москвой как колония Русского государства.

В то же время, весьма важное значение имело отсутствие в менталитете русских чувства превосходства над другими народами, нетерпимости к самобытности и непохожести их культур, агрессивности при контакте с ними. Но на психо-эмоциональном уровне в русских существовала склонность к спонтанному протесту (бунту), которая, хотя и проявлялась только в крайних обстоятельствах, но в момент возникновения часто сопровождалась жестокостью. И, как мы видим, эти черты их национальной психологии и характера оказали существенное влияние на события в Предбайкалье. Так, не последнюю роль в вспыхнувшем военном сопротивлении братских народов сыграли погром и бесчинства (как результат бунта), учиненные в Илимским зимовье.

Однако, после погрома со стороны русских чередой последовали акции примирения, характер которых совершенно не согласовывался с представлением степных кочевников о власти сильного правителя. В частности, русские первыми одаривают князцов подарками, устраивают богатые угощения, в то время как в традиционных степных скотоводческих культурах за предложением принять подданство (не говоря уже о военном захвате) незамедлительно следовало обложение данью, а любое сопротивление жестоко подавлялось. Дары же подносились исключительно правителю представителями покоренных народов, а он одаривал их только за особые заслуги. Икинаты же, например, в 1632 г. заявили приехавшим к ним за ясаком казачьим десятникам Баженко Поленову и Фоме Кочергину: “... нам де давати нечево, да и не за что, приезжали де преж вас для государеву ясаку Максим да Василий (Перфильев и Москвитин - Л.П.), и оне нам государевы подарки давали, сукна и олово, хлебом кормили довольно и вином поили, а от вас государевых подарков нет” [ААН, ф. 21, оп.4. № 22, с. 139, № 55]. Совершенно невероятно, чтобы кто-либо из монгольских тайшей приехал бы собирать дань с “брацких” народов с богатыми подарками, или кто-нибудь их “брацких” князцов явился бы к тунгусам за ясаком с собственными дарами. Поэтому и “государево жалованное слово”, и поведение русских на первом этапе их появления в Предбайкалье было совершенно непонятными кочевым скотоводческим народам. Имеющиеся источники однозначно указывают на то, русские после первого же объявления князцам “государева жалованного слова” и получения соболей и других мехов, неважно были ли они отданы как дань, или как ответные подарки, считали все население данных улусов подданными москов-

ского царя, почему отказ платить ясак и воспринимался как государственная измена. Коренные же народы Сибири, в частности Предбайкалья, в том малом количестве русских, которое в это время находилось здесь ни масштаба государства, ни его нарастающей силы, ни целей присоединения к нему своих земель не понимали, что и являлось одной из главных причин постоянной смены их поведения: при военном давлении они соглашались подчиниться и дают клятву (шерть) на верность русскому государю, но после очередных подарков и возвращения пленных объявляют о своей независимости.

Достаточно разным было и отношение к ясаку, что также усиливало конфликтность взаимодействия двух народов. Для русских, имеющих развитую государственность, ясак, собираемый каждую осень с поименной записью в особых книгах, как и подати с собственного крестьянского населения, в XVII в. уже не имел значения дани и являлся, фактически, устойчивой формой налогообложения. Монголоязычные же народы Предбайкалья не обладали собственной государственностью и, естественно, четкой внутренней налоговой системы не имели. В течение, по крайней мере, полутора веков они не входили и в состав Монгольского государства, лишь периодически выплачивая дань монголам, политические претензии которых на народы Предбайкалья (из-за внутренней межусобицы) постепенно ослабевали. Это давало основание икинатам, булагатам, эхэритам, хонгодорам и хоринцам не считать себя чьими-то подданными, тем более, что сами они имели в подданстве многочисленное тунгусское население. Поэтому постоянная, устойчивая по размеру форма сбора ясака с поименной переписью плательщиков, которую пытались ввести русские, вступала в противоречие с системой обложения данью, существовавшей в этот период в Предбайкалье.

Более того, к XVII в. в Предбайкалье каждый из народов занял свою экологическую нишу, что обеспечивало достаточно стабильную этнополитическую ситуацию. Не возникало и внешней угрозы, так как перестало существовать единое монгольское государство и никто не претендовал на эти земли. Русские же стали обосновываться здесь прочно: строили зимовья, остроги, вокруг которых вскоре начинали появляться деревни и пашни. Но земля (кормящий ландшафт), является не только главным материальным средством существования этноса, но и представляет собой основу формирования эмоционально-психологического уровня национального сознания, составляя главную духовную ценность культуры, выражаемую понятием “родина”. Вот почему претензии русских на землю воспринималась народами Предбайкалья как угроза самому их существованию.

При этом, в силу земледельческого характера культуры, русские прежде всего претендовали не на таежные районы расселения тунгусов, а на степные пространства, занимаемые монголоязычным скотоводческим населением, что, безусловно, влияло на отношение тех и других к появлению нового этноса. Но важным представляется и тот факт, что на уровне психологического восприятия форма освоения территории земледельческим народом также вступала в противоречие с традиционной системой землепользования автохтонного кочевого населения. Здесь следует уточнить, что скотоводческие этносы региона относились к полукочевому ХКТ (с преобладанием скотоводства), и земледелие, хотя и присутствовало в их хозяйстве как подсобный вид занятий, не занимало в системе культурных ценностей высокого места. Поэтому, земледельческий характер русской культуры способствовал (особенно на первом этапе контактов) возникновению со стороны этих народов, скотоводов по своему психологическому складу, несколько пренебрежительного отношения к пришельцам.

Таким образом, первые контакты русских с “брацкими” народами Предбайкалья в силу целого ряда объективных причин привели к возникновению военного противостояния, которое и определило историческую канву их этнокультурного взаимодействия на протяжении почти всего XVII в. Однако, это противостояние не носило характера постоянных военных действий: они то разгорались, сопровождаясь кровавыми сражениями, то затухали, и тогда взаимоотношения приобретали форму мирных контактов. И в том, и в другом случае действовали причины как этнопсихологического, так и социально-экономического характера, но в первом они выступали со знаком минус, основанном на различиях культур, стереотипов по-

ведения и уровней общественного развития, во втором - со знаком плюс, базирующимся на толерантности менталитета взаимодействующих народов, государственной политике обустройства новых земель и взаимодополняемости трех ХКТ: охотников (и оленеводов, и пещих), полукочевых скотоводов и земледельцев. Эти причины и определили дальнейший ход этногенетических и этнокультурных процессов в регионе.

В ноябре 1632 г. на помощь икинатам, фактически, под Братский острог “от Байкала озера приехал князец Когуи, а с ним пришло улусных людей 100 человек, а стали они жить на усть Оке реки с Котогуном вместе” [ААН, ф. 21, оп.4, № 22, с.140, № 55]. Этот факт очень встревожил сибирские власти, а, главное, однозначно показал что мирным путем кочевые скотоводческие народы не покорить. В этот год к этой мысли приходят многие начальники русских отрядов, о чем постоянно сообщают в своих донесениях. И тогда томский воевода князь Иван Татев обращается непосредственно к “государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии” с подробным донесением о всех нападения икинатов и ашехабатов на служивых людей и Братский острог, убийстве Вихоря Савина и, главное, об убытках казны от недобора ясака, в частности, с тугнусов, которых “брацкие люди свели в свои улусы”. И заканчивает его особой просьбой: “И о тех де, государь, брацких людех вели нам холопом своим свой государев указ учинить: ласкою их брацких людей приводить ис того острожку под твою государеву царскую высокую руку или на них, за непослушание послать ратных людей и их умирить” [ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 203 об. № 136]. Ответная царская грамота из Москвы пришла только в 1634 г., после чего отношение русских к сопротивлению братских народов стало более жестким.

Поведение икинатов, булагатов, а несколько позднее эхэритов и хонгодоров - их сплоченность, единодушие в отказе платить постоянный ясак, осада Братского острога, стремление объединить вокруг себя своих кыштымов, решение “побивать” русских на промыслах, а также приход “от Байкала” на помощь князца Когуя, - все это говорит о том, что возникшая внешняя угроза возбудила этническую активность среди коренного монголоязычного населения региона и, как любая конфликтная ситуация, усилила этническое самосознание этих народов. В частности, это ярко проявилось в борьбе, которую повели “братские” народы за сохранение прав на своих кыштымов - налягиров, шамагиров и верхнеангарских тунгусов. Источники отмечают: “И многих ясачных тунгусов и налягов брацкие князцы овладели. Да брацкой же князец Баракан з детьми своими и улусными людьми по Вихореве реке по первому зимнему пути приезжал на наших ясачных людей (тунгусов - Л.П.), переграбил и мужиков де убил до смерти, а иных живых побрал с собою. Да тот же брацкой князец Баракан приказывал нашим ясачным людям, которые живут по Вихоревой реке: только де хто станет из них нам ясак давати с себя и они де всех до конца разорят “ [ААН, ф. 21, оп.4, № 22, сс. 201-202, № 73]. Естественно, что эти события в какой-то степени повлияли на отношение тунгусов к русским. Так, в 1632 г. десятник Фирс Никифоров пишет в Енисейск из Илимского острога, что когда двое его людей пошли на р. Кату к тунгусам налягирам, живущим близ Букиева улуса икинатов, за ясаком и “стали государева ясаку прошать и оне государева ясаку не дали, чинятца сильны, а не дадим де ясаку, а платим де мы ясак в Браты” [ААН, ф. 21, оп.4, № 22, с.125, № 48]. Пожалуй, это первое свидетельство о сопротивлении предбайкальских тунгусов русским. В дальнейшем же они оказываются втянутыми в сложные взаимоотношения русских с “братскими” народами региона, помогая и тем, и другим в военных конфликтах и, тем самым, вступая в тесные этнокультурные контакты со всеми этими этносами. Именно в это же время икинаты не только забирают к себе в улусы тунгусов с Илима, Вихоревой и Идирмы, но и уводят их в свои дальние кочевья на Ангару [ААН, ф.21, оп.4, № 17, лл.253-254, № 159].

Появление князца Когуна со значительным отрядом на Оке не только свидетельствует о возникновении определенной консолидации братских народов в 30-х годах XVII в., что уже отмечали исследователи, но и отражает начало масштабного передвижения коренных этносов региона, и, как следствие этого, их значительное смешение.

В 1632 г. откочевывает с верховьев Лены к Байкалу часть эхэритов, напавших на отряд Петра Бекетова. Причиной этого явились как военные потери при сражении с отрядом Бекетова, так и постройка на Лене в устье Тутуры небольшого острога. О последнем сообщил Бекетов в своем донесении енисейскому воеводе Ждану Кондыреву: “брацкие люди слыша про то, что на усть Тутуры реки служивые поставили острожек, и не похотя быти под государскою высокою рукою, и збежали все жити в Мунгалы, на Ламу озеро” [ААН, ф. 21, оп.4, № 22, с.132, № 49]. Хотя вскоре эта группа вернулась обратно на свои земли, да и нет никаких оснований считать, что она действительно пересекала Байкал и уходила в Монголию, все эти перемещения являются началом процесса, который привел к смешению всех этносов Предбайкалья, а в конечном итоге к этногенетической мутации, давшей рождение новых народов - бурят, эвенков, сойотов. Важно отметить, что эти территориальные смещения не захватывали весь этнос, а, как правило, касались его отдельных групп (одной или нескольких территориальных общин), чему в немалой степени способствовали и кочевой тип культуры, и специфика этнополитического состояния позднесредневековых кочевнических народов, а именно, отсутствие государственности и крепкой внутренней консолидации. Это приводило к их дроблению и усиливало смешение как внутри одного этноса, так и между разными народами, постепенно разрушая системную целостность каждого из них. Данный процесс шел в Предбайкалье в течение более 50 лет, т.е. на протяжении жизни двух поколений, набирая силу к 50-70 годам XVII в и затухая к концу XVII в.

В 1634 г. в Братский острог на годовую службу отправляется с отрядом в 60 человек пятидесятник Дунайко Васильев, которому впервые официально разрешаются применять ответные военные действия против “непослушников брацких людей”. Как обычно, текст грамоты начинается с наказа “держат к ним брацким князцам и улусным людем ласку и привет. ... А будет от таково своево дурна не отстанут и вперед учнут наших служивых людей, которые для нашего ясаку и поминков (подарков - Л.П.) посланы будут и наших же де ясачных людей (имеются в виду тунгусы - Л.П.) учнут также побивать и грабить и в полон иматъ и з себя шашего ясаку не учнут давать и во всем нам учинятца непослушны, и мы велим послать наших многих служивых людей с огненным и со всяким боем и велим их разорять, самих побить, а жон их и детей их в полон поимать, так же над ними учинить, как и Яков Хрипунов с нашими служивыми людьми учинил, и та им будет кровь самим от себя за свое непослушание и измену.” Но заканчивается царская грамота опять же наказом объявить всем братским князцам государево жалованное слово и “будет они ото всего таково своего дурна уймутца и мы тех их прежних неправд воспомянути не велим и во всем их пожалуем” [ААН, ф. 21, оп.4, №22, сс.201-209, № 73].

Васильев призвал всех икинатских князцов явиться в острог, но приехали к нему только князец Кодогон с племянником, сыном князца Котогуня “...и он Дунайко того Кодогона и племянника ево поил и кормил довольно и наше жалованье ему Кодогону дал котел с зеленою медь, да торель оловянную да рубашку, а племяннику ево дал таз.” Кодогон пообещал выплатить ясак за 1634 г., но аманатов дать отказались, а об остальных князцов сказали, что “того не ведают, дадут ли с себя и людей своих ... ясак или не дадут” [ААН, ф. 21, оп.4, № 17, лл.252-258 об., № 159]. Как разворачивались события дальше, источники умалчивают, но русский отряд во главе с Дунаем Васильевым вышел из острога, видимо, намереваясь силой подчинить икинатских князцов и собрать со всех улусных людей “поимянно” полный ясак, как предписывалось в царском указе. Не остановило Васильева и предостережение тунгусского князца Корока с реки Вихоревой, который приезжал в острог и “сказывал, чтоб де в острожке служивые люди жили бережно: хотят де брацкие князцы ... служивых людей побить всех”. Результат похода оказался трагическим для русских - весь отряд был уничтожен икинатами, а Братский острог полностью сожжен [ААН, ф.21, оп.4, № 17, лл.398-400, № 212]. Это было самое значительное поражение русских в Предбайкалье, которое явно подхлестнуло коренные народы, особенно монголоязычные, к более ожесточенному сопротивлению. Учитывая, что с Васильевым выступило 52 человека, т.е.достаточно большое количество

служивых людей, можно предположить, что икинатам была оказана существенная помощь со стороны населения других районов. Как уже говорилось, в этом бою, по всей видимости, участвовал со своими воинами и князец Когуй. Кроме того, в этом же году с Уды (из района нынешнего Нижнеудинска) пришел на Оку к икинатам со своим улусом ашехабатский князец Кориндей [ААН, ф.21, оп.4, №17, лл. 247-249, № 157].

В 1635 г. силами довольно значительного отряда (100 человек) под руководством Николая Радуковского Братский острог был возведен заново. Поставили его новом месте, на правом берегу Оки, выше порога Падун, в самом центре летних кочевий икинатов. Радуковскому удалось снова подчинить икинатов, взять в аманаты самого князца Которура и сына князца Баяракана, а также совершить поход вверх по Ангаре в улусы булагатов, где взяли ясак “з брацких новых князцей на Осе реке и с их улусных людей, которые преж сего государю ясаку не плачивали, с князца Мурая да с Обачея и с князца Олзя”. Ясак был значительным по размеру - “1 сорок 38 соболей да 6 недособолей с пупки и хвосты, ожерелье соболе от брацкие шубы, а в ней шито 6 соболей, да 4 пластины соболюи шито вместе, да лиску красну без лап и хвоста” [ААН, ф.21, оп. 4, № 27, лл. 296-298, № 96]. Однако успехи Радуковского привели к тому, что большая часть икинатов покинула свои кочевья и ушла в степи на расстояние 10 дней пути.

В конце 30-х годов основное внимание енисейских воевод сосредотачивается на покорении якутов и тунгусов среднего течения Лены, а также на продвижении по ее правым притокам к Амуру; ситуация же в Предбайкалье несколько успокаивается. Приведение икинатов и удинских булагатов “под высокую государскую руку” идет с переменным успехом. В 1636 г. Василию Черменину, удастся собрать с них ясак, но уже на следующий год при пятидесятнике Федоре Чорке “брацкие люди учинились непослушны” и не только опять стали “побивать” сборщиков ясака, но и осадили Братский острог, а в 1638 г. большинство из них снова заплатило ясак [ААН, ф. 21, оп.4, № 27, лл. 298-302, № 96].

Эти колебания в поведении коренных скотоводческих народов были обусловлены двойственностью той исторической коллизии, которая возникла в Байкальском регионе в связи с появлением здесь русского этноса. С одной стороны, вторжение русских разрушало стабильность этнополитической действительности и тем самым несло угрозу системной целостности коренных этносов, что достаточно ясно воспринималось ими на уровне коллективного этнического сознания и, естественно, вызывало активное сопротивление, как реакцию самосохранения. Правильность этого положения подтверждается всем ходом дальнейшего развития этнических процессов, когда к концу XVII в. булагаты, эхэриты, хонгодоры как самостоятельные народы прекращают свое существование, образуя новый бурятский этнос. С другой стороны, толерантность менталитета вступивших в этнокультурное взаимодействие народов, совместимость и взаимодополняемость трех ХКТ (земледельцы, скотоводы, охотники) и общая государственная политика, направленная на сохранение коренного населения, не только не создавали антагонизма в возникшем на первом этапе контакта противостоянии, но и в скором времени способствовали зарождению взаимной заинтересованности, базирующейся на обмене культурными ценностями. Интересно отметить, что скотоводческие монголоязычные народы Байкальского региона в своем противоборстве с русскими ни разу не прибегли к помощи монголов, близким им и по происхождению и по культуре. Более того, когда монгольский Алтын хан, совершил в 1647 г. набег на удинских ашехабатов, князец Ойлан обращается к московскому государю с просьбой не только принять его в подданство, но и построить на его землях острог [ААН, ф. 21, оп.4, № 17, лл.449-450, № 234]. В 1650 г. Ойлан со своими “улусными людьми в полном государевом ясаке отказали”, но когда в этом же году монгольский Мергень-тайши собрался напасть на ашехабатов, Ойлан “побежал вверх по Осе в большие братья”, по сути, под охрану русских острогов [ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л.523, № 266].

С начала 40-х годов, в связи с выходом на Амур, к границам маньчжурского Китая, русские предпринимают активные действия по закреплению своих позиций в предбайкаль-

ском регионе. Стремительный прорыв русских на восток привел в 1638 г. к созданию новой территориальной единицы - Якутского воеводства с центром в остроге на Лене (будущем г. Якутске). В 1640 г. воеводство принимает стольник и воевода Петр Петрович Головин, с приходом которого вся деятельность русских в Восточной Сибири и, в частности, в Байкальском регионе, принимает колоссальный размах. Именно Головину принадлежит организация наступления вверх по Лене, в земли эхэритов, первых походов на Байкал и остров Ольхон, и, наконец, выхода русских в Забайкалье. В эти годы образуется как бы два центра русского наступления: из Енисейска они поднимаются вверх по Ангаре, из Усть-Кутского острога (подчиненного Якутску) - по Лене. Русские одновременно продвигаются вверх по этим двум рекам, охватывая всю территорию междуречья и резко ужесточая свою политику по подчинению коренного населения государственной власти.

Однако, реализовать эту кампанию только силами военных гарнизонов было невозможно в виду их малочисленности, и тогда по царскому указу на государеву службу призываются все находящиеся в регионе промышленные и "всякие охочие люди". Отряды служивых людей сразу же становятся более многочисленными (по 50-70 и 100 человек), и резко возрастает количество походов. Политика государства в отношении "немирных брацких людей" резко меняется. Тексты "Наказных памятей" этого времени, обращенные к служивым, промышленным и всем другим людям, со ссылкой на государев указ, гласят: "И то им сказать, будет милостию божию и государевым счастьем брацких неясашных людей повоюют и под государеву царскую высокую руку приведут и аманатов возьмут и им будет всем всяким людям за ту их службу государеву жалованье, а что будет возьмут у тех брацких неясашных людей войною скоту, лошадей и коров и иной какой рухляди и тово у них нечево ко государю не возьмут, и та добыча вся им всяким охочим людям вместе с служивыми людьми, а полон, которой возьмут улусных людей, а не князцей и не их детей и не жен, и тот полон по государеву указу велено на выкуп брацким людям отдавать ..." [Сборник документов по истории Бурятии", 1960, с. 39, № 26].

Документ этот требует пояснений. Во-первых, он касается только "неясашных", т.е. народов, отказавшихся подчиниться московской государственной власти. Во-вторых, он запрещает брать в полон князцов и их родственников. Делается это для того, чтобы не разрушать сложившуюся на местах внутреннюю вертикаль власти, на которую опиралось все управление коренными народами Сибири. Эта, так называемая, система косвенного управления, характерная для многих подвергнувшихся колонизации регионов мира, имела в России свою специфику, которая обеспечила вхождение этих народов в социально-экономическую систему государства и развитие их национальных культур на протяжении XVIII - XIX вв. В дальнейшем мы видим, что взятые в плен князцы представляли перед лицом приказчиков острогов или даже воевод, их заставляли давать присягу на верность московскому царю и отпускали в родные улусы, так как, по очень верному наблюдению Максима Перфильева, "улусные люди только своих князцев и слушаются". Но на первом этапе освоения Предбайкалья именно князцы являлись основными организаторами сопротивления русским, поэтому их власть и авторитет среди улусного населения в значительной степени старались ограничить и, прежде всего, в фискальной сфере, связанной со сбором ясака. На протяжении почти всего XVII в. последний собирался представителями русской власти с переписью всех ясашных людей улусов, позднее эта функция передается органам самоуправления коренных народов, в создании которых государственная власть приняла самое активное участие. Немаловажную роль в ослаблении авторитета князцов в глазах улусных людей, несомненно, играли их поражения в боях с русскими, численность которых была значительно меньше, чем количество воинов у братских народов.

Но вернемся к еще одному, совершенно новому, по сравнению с предыдущими "памятями", положению приведенного выше текста. Это - разрешение на захват пленных и их имущества, отгон скота и обязательный выкуп пленных. Касается оно, опять же, только "неясашных" людей, в отношении же населения, принявшего русское подданство, в "памяти"

сказано следующее: “и тем иноземцам в чем какую учинит хто обиду или тесноту, ... тех людей озорников служивых и промышленных людей от всякого дурна унимать накрепко, бить служивых людей и промышленных за воровство их нещадно батоги”. Фактически, указ этот преследовал несколько целей: показать коренным народам, что только подчинение государственной власти обеспечит им мирное существование, в противном случае они будут разорены; привлечь в острожные отряды новые силы (промышленных и прочих людей), поманив их военной добычей; и, наконец, за счет этой добычи создать материальную базу для закрепления на новых землях русского, главным образом, крестьянского населения. Подтверждением этому служит “челобитная” 1647 г. казачьего пятидесятника Ивана Курбатова² царю Алексею Михайловичу, в которой, перечисляя свои заслуги перед государством, он пишет: “Да моею же, холопа твоего, к тебе государю службишкою во всевеликую реку Лену из Ве[r]холенского острошку ... скотом коньми и коровы пашенные крестьяне и всяких чинов люди наполнили, а в прежние, государь, годы которые были кони по пятидесяти и по штидесяти рублей на Илимском волоке и нынече госдарь нашею службишкою те кони по десяти и меньше, а коровы, государь, были рублей по тридцати, а нынче рублей по шти...” [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, с.83, № 38].

Дело в том, что, с одной стороны, русское население Предбайкалья (да и всей Восточной Сибири) испытывало острую нехватку хлеба, с другой, - территория эта была богата пашенными угодьями, о чем доносили в Москву русские первопроходцы в “чертежных росписях” Лены, Илима и Ангары [ДАИ, т. II, № 89; ААН, ф.21, оп. 4, № 30, лл.79-80 об., № 37]. Вывозить из европейской части государства в Восточную Сибирь крестьян со всем необходимым для развития земледелия инвентарем, включая скот, было невозможно. Правда, к этому времени земледелие в достаточной степени укрепилось в Западной Сибири и появилось на Енисее, но переводить крестьян из этих районов на новые земли в Предбайкалье (хотя это отчасти и предпринималось) значило подрывать с большим трудом созданную здесь материальную базу государства, поэтому развивать земледелие на Лене, Ангаре и Илеме предстояло собственными силами: давать землю всем желающим, “сажать” на землю беглых и ссыльных, создавать белопоместное казачество, которое вместо жалованья получало надел земли. Однако, для развития земледелия и хозяйства в целом, прежде всего, требовался скот. Как мы видим, правительство решает этот вопрос за счет хозяйственных ресурсов местного скотоводческого населения и в комплексе с другой, не менее важной проблемой, а именно, - покорение коренных народов, оказавших сильное сопротивление, что, в конечном итоге, приводит к полноценному освоению новых земель и включению их в состав государства. Отметим, что все эти проблемы были тесно связаны между собой. Что же касается метода решения вставших перед Москвой на новых землях политических и экономических вопросов, то следует отметить, что для XVII в. скорее было необычным приведение в подданство “лаской и приветом”, к чему стремились русские власти в 30-х годах, чем те жесткие, чисто военные способы, к которым они прибегли в 40-х.

В 1641 г. на Лене, близ устья Куленги Мартыном Васильевым возводится Верхоленский Братский острог, ставший основным опорным пунктом русских на восточных границах Предбайкалья. В этот же год русские разгомили эхэритского князца Чепчегуя, отказавшегося в платить ясак, а его брата Куржума захватили в плен. 14 мая он предстает в Усть-Кутском остроге перед воеводами Головиным и Глебовым и дает клятву “государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, что ему быть Куршуну со всем своим родом и улусными своими людьми в вечном хорлопстве неотступно, и ясак с себя давать и с своих улусных людей по вся годы безпереводно ... и за то ему Куршуну будет государево жалованья и от недругов ево будет ему оборонь”. [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, с. 37, № 23]. После “шерти по своей вере” Куржум Бурлаев был отпущен, а с ним были от-

² Во многих документах этот пятидесятник назван Курбатом Ивановым, под этим именем он известен и в научной литературе, но в своей челобитной он пишет “роспись моим Ивашка Курбатова службам”, на основании этого в настоящей работе он назван Иваном Курбатовым.

правлены из Верхоленского острога 6 служивых людей за ясаком. Оказавшись в родных улусах, Куржум сразу же отказывается платить ясак, а 6 человек русских убивает.

В 1643 г., 2 апреля, против эхэритов князца Куржума и для приведения в подданство других князцов выступает из Верхоленского острога на лыжах большой русский отряд (74 человека) под руководством пятидесятников Ивана Курбатова и Василия Горемыкина. В проводники они берут тунгусского князца Нонора. Пятидесятники имеют четкое указание “тех брацких неясашных князцей и их улусных людей велено призывать ласкою и приветом под государеву царьскую высокую руку. ... А которые брацкие князцы и их улусные люди учинятся государю сильны и непокорны и ясаку с себя давать не станут, и тех брацких людей велено по государеву указу и по наказной памяти ... ходить войною, чтоб тех брацких князцев и их улусных людей смирить и привести под государеву царьскую руку в прямое холопство навеки неотступно” [АЛО ИИ, к.184, столб. 1, лл. 192].

Как можно себе представить по документам, русские первыми неожиданно напали на эхэритские улусы, взяли в плен одного из князцов “и скота и ясырю взяли”. После чего построили невдалеке временное укрепление (“засеку”), ожидая ответных действий. Через три дня эхэриты попытались выкупить пленных, но русские выдали им только одну женщину. Тогда, через 11 дней, русские были окружены большим военным отрядом (по их подсчетам человек 600), представляющим собой объединенные военные силы эхэритов и булагатов. Бой был тяжелым, но русские одержали победу и “тех брацких людей на приступе и на побеге многих побили, а иных многих переранили и копья и луки и саадаки (колчаны - Л.П.) и шеломы многие з голов отбили” [АЛО ИИ РАН, К-184, столб. 1, лл.192-193].

С этого момента военное противостояние братских народов и русских приобретает столь широкий размах, что вполне заслуживает определения “войны”, которая продолжалась до конца 40-х годов XVII в. Активность сопротивления коренных скотоводческих народов, как видно из документов, в первую очередь, основывалась на их объединении, которое, естественным образом возникло под воздействием внешней угрозы. Однако, это объединение почти никогда не принимало всеобщего характера, что могло бы не только приостановить продвижение русских, но и, в целом, изменить этнополитическую ситуацию в регионе. Значительный интерес для понимания этой ситуации представляет характер и направленность той консолидации, которая на протяжении нескольких лет устойчиво держалась в среде коренных этносов.

Так, в военных действиях против русских, практически, постоянно, едиными силами, особенно в первое время, выступают эхэриты и булагаты, иногда к ним присоединяются ашехабаты, в то время как, хонгодоры объединяются с готелами. Хоринцы же держатся достаточно обособленно, выступая совместно против русских только с батулинцами, которые, как предполагал Б.О.Долгих, составляли их субэтническое подразделение [Долгих Б.О., 1960, с. 297]. Более того, несколько позднее, во второй половине XVII в., у хоринцев с эхэритами возникают военные столкновения, которые оказали существенное влияние на их уход с Приольхонья и Ольхона в Забайкалье [Долгих Б.О., 1960, с. 328]. Эта избирательная плементарность среди коренных скотоводческих народов Предбайкалья, во многом, видимо, обусловленная процессами их этнокультурогенеза, не только мешала организованному военному сопротивлению русским, но и предопределила направленность этих процессов в сложении уже собственно бурятского народа.

21 июня 1643 г. значительный отряд русских (74 человека, из которых 48 - “промышленные и охочие люди”) под руководством Ивана Курбатова отправляется к Байкалу, взяв в проводники налягирского князца Можеуля. На берегу озера, в Приольхонье, они встретили хоринцев и батулинцев, возглавляемых князцом Обогодеем, которые к русским отнеслись миролюбиво и ясак обещали заплатить осенью, в донесении русских подчеркивается, что они “тех братцких не воевали”. Построив суда, 14 сентября отряд Курбата переправился на остров Ольхон, но здесь хоринцы ясак платить отказались и напали на русских. Произошло ожесточенное столкновение, в результате которого русские одержали победу, захватив и

пленных, и скот. Позднее казаки сообщали якутскому воеводе, что “после бою те братцкие люди почали миритца и тебе, государю, с себя стали ясак сулить, и которые братцкие люди взяты были на бою живьем и тех братцких людей ... отпустили з женами и с детьми на твое государево имя, а в оманаты взять, государь, было неково лутчие люди все разбежались” [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, с.77-78, № 36]. Как показывает этот и многие другие документы, большинство служивых отрядов старались точно придерживаться основной линии государственной политики: громили только улусы, отказавшиеся платить ясак, отгоняли у них скот, на скот же меняли пленных, но при этом, часто возвращали пленных и без выкупа, видимо, в тех случаях, когда ими оказывалась беднота. Следует отметить, что в документах, относящиеся к деятельности русских в верховьях Лены в эти годы, мы не находим каких-либо сведений о проявлении русскими особой жестокости, как, например, в случае с Яковом Хрипуновым, хотя именно здесь в 40-х годах развернулись основные военные действия и именно ленским острожным гарнизонам пришлось выдержать основное сопротивление братских народов. Представляется, что это поведение русских в условиях военной конфронтации привело, в конечном итоге, коренные народы Предбайкалья к подчинению.

В сентябре 1643 г. Иван Курбатов посылает из Верхоленского острога по реке Куленге к тунгусам налягирам за ясаком трех человек и наказывает им отправить затем тунгусов к “братцким людям готелам князю Тоглюю”, чтобы те признали власть русского царя и дали с себя ясак. Напомним, что готелы населяли долину р. Иды (правого притока Ангары) и от Верхоленска находились на значительном расстоянии, что подтверждает ту интенсивность, с которой русские начали действовать в это время в Предбайкалье. При этом, опять в качестве посланников русские используют тунгусов. Князец Толгой ясак платить отказался, а с теми же посланцами велел передать: “придут де служивые люди к нам по ясак, и мы де служивых людей побьем, а вас де тынгусов в котле сварим” [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, с. 49, № 30]. Угроза голельского князю в адрес налягиров, как в капле воды, отражает отношение монголоязычного населения региона к этнополитической ориентации тунгусов Предбайкалья на русских. Улус Тоглоя, выставившего против русских около 200 воинов, был разгромлен, сам он раненым был взят в плен, а три его сына погибли в бою. Русские захватили около 70 женщин и детей, большое количество скота и другого имущества, но на обратном пути готелы напали на них. Снова состоялся бой, и снова готелы были разбиты. В результате, они заплатили ясак и всех пленных выкупили, не побоявшись приехать за ними в Верхоленский острог, видимо, вполне доверяя “государеву жалованному слову”.

Военные успехи русских заставили булагатских князцов Торыма и Наярая самих прийти летом 1644 г. в Верхоленский острог, добровольно принести присягу на верность московскому царю и обещать осенью заплатить ясак. Князцов, конечно, одарили подарками, накормили и напоили, как было принято. Однако, 23 октября готелы вместе с хонгодарами опять нападают на Верхоленский острог, захватить его не удается, но они угоняют всех лошадей и, в частности 14 коней, принадлежащих самому Курбатову. Это нападение на русский острог всколыхнуло и другие народы - “все брацкие люди, которые государю и ясак давали икирежи и булгадаи (эхэриты и булагаты - Л.П.) ...изменили скопяся, скопяся под острог пришли и что было у служивых людей скота коней и коров отгонили и сена прижгли...” [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, с.90, № II]. А 1 января 1645 г. готелы и хонгодоры, вместе с несколькими булагатскими князцами, повторяют набег на Верхоленск, держат его в осаде 10 дней и уничтожают на полях все оставленные там стога сена, а затем часть их направляется вниз по Лене к крестьянским поселениям. “И от тех же братцких людей лехкие (лихие - Л.П.) люди пришли на Тутуру и Оверку пашенного розорили и русских людей 5 человек убили скот отгонили и пашенной завод весь розвезли и хлебные запасы рассыпали и сена прижгли ...” [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, сс. 51-52, № 30].

Документы этого периода ясно свидетельствуют, что война в Предбайкалье начинает приобретать совершенно новый характер: русские громят улусы князцов, отказывающихся платить ясак, стараясь не столько пролить кровь, сколько захватить скот и лошадей, а брацкие народы не столько убивают сборщиков ясака (хотя эти нападения продолжают иметь место), сколько стараются отбить свой угнанный скот, пожечь сено, уничтожить крестьянские пашни, возникшие к этому времени на Илеме, Лене, Тутуре и Орлинге. Общая политика русских ясно вырисовывается из отписки якутского воеводы Василия Пушкина в Сибирский приказ, в которой он докладывает о походе 1645 г. на отказавшихся платить ясак эхэритов: "... и за то по твоему государеву указу мы холопи твои, как пришел на Илимской волок, посылали на них сына боярского Олексея Бедарева не з большими служилыми людьми, а велено их за измену войною пострастить с пощадю, чтоб они вперед в своих винах тебе государю добили челом, и вину свою принесли, и были б под твоею государевою царскою высокою рукою попрежнему в прямом холопстве навеки неотступны и покорны, и не до конца разорены" [АЛО ИИ РАН, ф. К-191, стлб, 13, л.12].

В ответ на военные действия братских народов из Усть-Кута в Верхоленский острог приходит отряд Алексея Оленя, численностью в 100 человек, и, соединившись с местным гарнизоном, выступает в район р. Осы и ее притока Угичу (?). Однако найти "братцких людей" не удалось, хотя русские искали их две недели и вынуждены были вернуться в Верхоленск. Здесь они спросили налягирского князца Можеула, "где бы можно притти на братцких людей безвестно (неожиданно - Л.П.), и князец Можеул стал говорить: и топере де братцкие люди все живут в скопе и везде де у них по дорогам караулы". Тогда было принято решение идти в Приольхонье на хоринцев и бутулинцев. К их улусам русских подвели тунгусы налягиры, но подойти к ним неожиданно не удалось, так как "братцким людям ночью весть пала, а скот и живот весь увезли и изпометали избы с войлоки", т.е. хоринцы собрав весь скарб, спешно откочевали со своих мест, не желая платить ясак или подвергнуться разорению [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, с. 51, № 30]. Отряд Василия Оленя преследовали хоринцев в течение двух дней, но догнать их не удалось, так как русские были пешими и, как верно подметили казаки, "за конными людьми пешим не уходить". Последнее достаточно ясно объясняет, с одной стороны, почему русские стремятся к неожиданному появлению в братских улусах, с другой, - почему они стараются любыми способами приобрести лошадей (их угоняют, обменивают на них пленных или покупают), так как это стало необходимым для дальнейшего успешного освоения Предбайкалья и особенно Забайкалья с его огромными степными пространствами.

Как мы видим, русские не стремились предпринять ответные действия обязательно против тех князцов, которые напали на Верхоленский острог, не найдя готелов и булагатов, они идут на хоринцев, и это не единственный пример их тактики в отношении братских народов региона. С одной стороны, она определялась задачей подчинить государственной власти все население региона, независимо от принадлежности к тому или иному этносу, и необходимостью собрать как можно более полный ясак, с другой, - постоянная неуверенность в прочном подчинении братских народов, которые, дав присягу на верность московскому царю, тут же могли напасть на острог, убить сборщиков ясака или разорить крестьян. Для русских присяга царю являлась символом служения своему государству, и ее нарушения считалось государственной изменой, т.е. наиболее тяжким нравственным преступлением; для братский князцов она мало что значила, так как на уровне их этнополитического и социального развития не входила в систему высших национальных ценностей. Они легко давали "шерть" при угрозе разорения своих улусов и так же легко нарушали клятву, как только возникала возможность или откочевать в отдаленные от острогов земли, или напасть на остроги.

Набеги готелов, хонгодоров, булагатов и эхэритов на русских в районе Лены были во многом спровоцированы походами по Ангаре в 1644 г. Василия Колесникова и Ивана Похабова из Братского острога, достигших Байкала и погромивших многие братские улусы. И здесь мы сталкиваемся с явлением, сильно обострившим этнополитическую ситуацию в Си-

бири и получившим в исторической литературе название “война острогов”. Оно достаточно подробно освещено в различных работах по истории XVII в., и нет необходимости повторять весь комплекс отрицательного воздействия этой борьбы на политическую и экономическую стабильность в регионе. Следует лишь уточнить, что борьба, как правило, велась между острогами разных уездов и оказывала существенное влияние на развитие этнических процессов. Впервые на это обратил внимание Е.М.Залкинд, хотя он и не заострял внимания на анализе данного явления. В своей монографии “Присоединение Бурятии к России” он писал: “...межострожная борьба не отталкивает бурят от русских, а, наоборот, содействует упрочению связи между ними. В обстановке острой борьбы между острогами, когда сами приказчики не стеснялись поносить жителей других острогов перед бурятами, доходя до объявления конкурентов своими “кыштымами”, буряты оказывались вынуждены искать защиты в остроге. Иногда они даже обуславливали согласие платить ясак постройкой острога в их земле” [Залкинд Е.М., 1958, сс.31-32]. Речь идет о просьбе булагатов поставить на их территории Балаганский острог, в который они были согласны платить ясак, чтобы избавиться от двойного сбора в Илимск и в Красноярск.

В целом очень верное наблюдение Е.М.Залкинда требует некоторых уточнений. Борьба острогов между собой за ясачное население не только в определенной степени способствовала укреплению контакта между русскими и коренными народами Сибири, в частности, Байкальского региона, но и содействовала рекомпозиции этнической карты региона, нарушению среди коренных народов устоявшихся (как межэтнических, так и внутриэтнических) этнокультурных связей и, в конечном итоге, к изменению общей направленности этногенетических процессов. Собирая вокруг острогов ясачное население и подчиняя себе отдельных князцов, русские, с одной стороны, отрывали определенную часть этноса от основного массива, с другой, - часто присоединяли к ней часть другого этноса, что усиливало межэтническое смешение коренных народов. Более того, провоцируя военные выступления одних князцов против других, принадлежащих к одному этносу, они способствовали разрушению его внутриэтнической целостности. Таким образом, война острогов в значительной степени стимулировала разрыв внутриэтнических связей, угасание центростремительных и усиление центробежных процессов внутри каждого этноса, что естественным образом привело уже в конце XVII в. к их постепенному исчезновению с этнической карты региона. В данном случае мы имеем в виду исчезновение каждого из них, как системной этнической целостности. Прежде всего, эти процессы охватывают субэтноты, растворяя в вихре бурного межэтнического взаимодействия такие этнические единицы как икинаты, готелы, ашехабаты, позднее они вбирают в себя уже и этноты - эхэритов, булагатов, хонгодоров. Недаром сложение внутренней структуры новой этнической общности бурят на первом этапе идет по линии консолидации коренного монголоязычного населения именно вокруг острогов: именно на основе нового территориального объединения возникают такие субэтноты как верхоленские, балаганские, нижнеудинские, тункинские, селенгинские буряты и т.д., образующие “скелет” нового бурятского народа. Следует отметить, что основное количество вновь образующихся субэтнических единиц непосредственно связано с русскими острогами, как политическими, экономическими и культурными центрами, обладавшими мощной центростремительной притягательностью, поэтому вряд ли можно переоценить их важнейшую роль (как экзогенного фактора этнообразования) в этнических и государствообразовательных процессах в Сибири. Но необходимо помнить, что они развивались в тесном взаимодействии с этнообразовательными процессами эндогенного характера (в частности, постоянная рекомпозиция субэтнических групп), которые только коррелировались и ускорялись фактором русского присутствия. Единственным народом, который сохранял свою этническую целостность почти до конца XIX в. были хоринцы, которые практически не были задеты таким явлением как “война острогов” и получили возможность достаточно спокойного и сравнительно изолированного развития на протяжении всего XVIII в. Конечно, все эти процессы развивались под воздействием многих причин и борьба острогов - лишь одна из них, но она обострила характер всех

этнических процессов в регионе, вызванных внедрением сильного экзогенного русского фактора.

В 1644 г. русские отряды Верхоленского острога Якутского воеводства под руководством Ивана Курбатова с запада выходят на Ангару в районе ее правого притока Осы. Где погромом, а где и миром собирают ясак с готелов и булагатов, считая эту территорию уже включенной в Якутское воеводство под юрисдикцию Верхоленска. Но Ангара уже давно входила в Енисейский уезд и здесь существовал Братский острог, в который уже в течение нескольких лет собирался ясак с прилегающих земель. Продвижение русских вверх по Ангаре было приостановлено на Оке сопротивлением икинатов, сломив его, они получили возможность закрепиться в более южных районах, поэтому атаману Василию Колесникову и было предписано поставить новый острог на Осе реке (правый приток Ангары) и выйти, наконец, к Байкалу. Здесь и столкнулись интересы двух острогов, относящихся к разным уездам. Сама по себе ситуация - достаточно ординарная для истории покорения Сибири, но она представляет значительный интерес с точки зрения влияния ее на этнические процессы в Предбайкалье.

22 сентября в Верхоленский острог приезжает булагатский князец Чекодей и вручает Ивану Курбатову “грамотку” от Василия Колесникова, в которой тот ставит его в известность, что по государеву указу он возводит острог на левом берегу Ангары немного ниже устья Осы, и все прилегающие братские и тунгусские земли будут входить в подчинение нового острога и Енисейска. Курбатов отправляет с Чекодеем двух служивых людей к Колесникову с запиской, в которой пишет, “чтобы он Василий по сю сторону Енисею (в данном случае имеется в виду Ангара, которую первое время до ее притока Уды часто принимали за Енисей - Л.П.) и по сторонним рекам по Осе и по Укиче братцких людей не воевал, что те братцкие люди на том шерть дали, что сулили государю ясак в Верхоленский острог, и некоторые б им обиды и тесноты не чинили, потому что все ко одному праведному государю идет” [Архив ЛО ИИ РАН, ф. К-184, столб. 1, л. 197]. Из всей этой переписки вырисовывается вполне обыденная ситуация: появившись на Ангаре и Осе, Колесников стал требовать ясак, на что некоторые князцы ему заявили, что платят ясак в Верхоленский острог. Это не остановило Колесникова и он “почал воевать тех братцких людей, которые сулили ясак в Верхоленский острог, князца Чекодея и его улусных людей разорили жены и дети их воевали и скот отгнали. И те братцкие люди с Осы и Укичи розбежались от ево Васильева погрому по Ангаре реке и по сторонним рекам и от того стала в государевом ясаке убыль ... И те братцкие люди, скопяся всею землею, и пришед под острог (Верхоленский - Л.П.), и коней у служивых людей отгнали, и в другой ряд пришли под острожек ...”. Это были те самые набеги готелов, хонгодоров и булагатов, о которых писалось выше.

Возможно, именно интенсивное продвижение русских в Предбайкалье одновременно с двух сторон подтолкнуло “братские” народы к широкому объединению. Как писал осенью 1645 г. Курбатов, “а братцкие люди всею землею в скопе хотят итти вниз по Лене реке на пашенных крестьян на Орленгу и на усть Куты реки, а в то время приходит на усть Куты реки из Якутского острогу государева соболина казна ...”[Сборник документов по истории Бурятии, 1960, с. 91, № 38]. Пожалуй, это первое, по-настоящему мощное выступление скотоводческих народов Предбайкалья против русских. В походе приняли участие булагаты, ашехабаты и икинаты с Оки, эхэриты, готелы и хонгодоры. Как мы видим, тактика борьбы сильно изменилась, они идут не на остроги, взять которые с луками и саблями было невозможно, а стремятся разорить крестьянские пашни, спровоцировав голод, и заодно отбить “государеву соболиную казну”, т.е. ясак, собранный с тунгусов и якутов на средней Лене.

На Ленском волоке русские срочно собирают из “промышленных и охочих служилых людей” отряд в 130 человек, который во главе с сыном боярским Алексеем Бедаревым выступает 6 октября из Усть-Кутска вверх по Лене в Верхоленский острог. Немного выше устья Орлинги, в урочище у речек Ботов 31 октября русские встретились с объединенным войском “братов”, в котором насчитывалось приблизительно 500 человек. Документы позво-

ляют представить характер боя. Братские народы повели его в обычной для кочевников манере - быстрые конные атаки со стрельбой из луков (но панцыри русских стрелы не пробивали), а в ответ конница получала ружейные залпы. Вот как описывается это сражение в донесении якутского воеводы Василия Пушкина: “А на том бою убили у них брацких людей 3-х добрых брацких мужиков, в том числе одново брацкого лутчево мужика убили Котогорского роду (хонгодорского - Л.П.), наездника, который к ним в наезде напускал с людьми на все 3 напуска, князца Магалчюкова брата Баатыря и, убив ево, у них взяли со всем в куюке с наручи и в шишаке и с саадаком, а иных де, государь, многих брацких людей и под ними коней испереранили” [АЛО ИИ РАН, ф. К-191, столб. 13, л. 5]. Видимо, Баатыр возглавлял войско, так как его смерть вызвала панику и “брацкие люди ... побежали”. И причина этого не только в разнице вооружения. Братское войско представляло собой стихийное объединение, состоящее из воинов разных предбайкальских народов и не имеющее четкой внутренней организации. Русские же отряды, хотя и были сборными, основу их составляли профессиональные военные (стрельцы и казаки), за плечами которых стоял не только опыт военных сражений, но и государственная система. Более того, все документы этого периода свидетельствуют о необычайной силе духа русских. И это не потому, что составлены они самими русскими и, как бы, могут преувеличивать их храбрость и выносливость; достаточно представить себе, как отряд в 70 или даже в 130 человек пеших воинов, хотя бы и вооруженных “огненным боем”, психологически выдерживает в открытой степи атаку конницы численностью 200-500 всадников, чтобы понять насколько различными были уровни пассионарности этих народов. Фактически, русские потерпели в Предбайкалье только одно крупное поражение, когда был уничтожен под Братским острогом отряд Дуная Васильева. В острогах в течение нескольких дней 15-20 человек выдерживали осады, организованные отрядами от 200 до тысячи воинов, не говоря уже о сборщиках ясака, которые по несколько человек отправлялись в братские улусы, никогда не зная какой прием им там окажут.

Угроза со стороны “немирных братцких людей” крестьянским пашням, а тем более государственной казне, вызвала незамедлительную реакцию русских властей. В течение 1645-1648 гг. из Верхоленского острога совершаются один за другим военные походы, размах которых вызывает изумление. Иван Курбатов, Алексей Бедарев и Козьма Супунев водят отряды не только на эхэритов, булагатов и готелов, улусы которых располагались между Леной и Ангарой, но и переправляются за Ангару, громя улусы булагатов, ашехабатов и хонгодоров [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, сс.55-94, №№ 32, 35, 37, 38]. Большинство контактов этих лет носят чисто военный характер, и сопротивление всех братских народов оказывается очень сильным. Им удается еще раз объединиться в 1646 г. и напасть на русский отряд, возвращающийся с большим количеством скота и пленных из-за Ангары, отбить скот и часть пленных, но нанести серьезный урон собственно служивым людям они не смогли. В 1647-1648 гг. “братья” трижды совершают набеги на Верхоленский острог и крестьянские поселения на Тутуре и Орлинге, но первый раз это готелы и хонгодоры, второй - булагаты и ашехабаты, а третий - только булагаты. Объединения всех кочевых скотоводческих народов Предбайкалья больше не возникает, их сопротивление оказывается сломленным, хотя отдельные выступления против русских продолжают иметь место. Но уже в 1646 г. эхэриты и ашехабаты вынуждены были заплатить полный ясак, так как их князцы Булуй и Чекор были взяты в плен, а в 1648 г. “грозою и ласкою” были приведены под “государскую высокую руку” наиболее непримиримые булагатские князцы Тором и Содок, не говоря уже о многих мелких улусах.

Военные события 1642-1648 гг. в Предбайкалье, как маятник, раскачивали коренное население, главным образом, монголоязычные скотоводческие народы региона. То они были вынуждены отступать под натиском верхоленских служивых отрядов на запад, вглубь территории, ближе к Ангаре, то под ударами русских из Енисейска и Братска уходили на восток, к Лене. Погромленные русскими улусы, особенно если их князцы погибали в бою или, хотя бы на время, попадали в плен, присоединялись к другим, что позволяло им как-то выжить. Это

постоянное, во многом хаотичное передвижение родственных по происхождению и языку этносов на сравнительно замкнутой территории, естественным образом, приводило к их смешению, которое послужило в дальнейшем мощным толчком для развития новых этнообразовательных процессов и содействовало возникновению бурятского народа. Но в этот период все попытки сопротивления, оборачивались существенными потерями взрослого мужского населения, а постоянные поражения в прямых столкновениях с русскими приводили к ослаблению уверенности в себе и в своем будущем. Процессы эти прежде всего подрывали этническое сознание и самосознание, что ярко проявилось в возникшей альтернативе - или покориться и сохранить себя, или отстаивать независимость и погибнуть. Примером высшей степени проявления этнического “Я” служит хорошо известный случай с эхэритским князем Чепчегуем, сгоревшим в своей юрте во время погрома Мартына Васильева в 1641 г, но не пожелавшим сдаться в плен. Однако такой накал этнического самосознания был присущ, видимо, только единицам, большая же часть, как князцов, так и улусных людей, в конечном итоге, предпочла идее национальной независимости самосохранение.

Процесс этот хорошо проявляется не только в общем поведении большинства князцов, когда они после погрома, чаще всего, сразу же соглашались платить ясак и давали “шерть по своей вере” московскому царю, но и в конкретных ситуациях. Так, еще в 1641 г. улусные люди эхэритского князя Куржума объявляют русским, что готовы платить ясак, если захваченному в плен Куржуму сохранят жизнь [АЛО ИИ РАН, ф.К-189, столб.1, л. 28]. При этом, сам Куржум, давая клятву на верность московскому государю, обещает не только платить ясак со своего улуса, но “и иных брацких людей учнет под государеву царьскую высокую руку приводить, а которые брацкие люди непослушны будут, и ясаку с себя государю не учнут давать, и он Куршун на непослушных брацких людей учнет государевых людей водить войною” [АЛО ИИ РАН, ф. К-189, столб. 1, л.32]. И хотя он своей клятвы не сдержал, и не только не помогал, но и продолжал воевать с русскими, при угрозе своей жизни он соглашается дать шерть. В 1644 г. булагатский князец Чекодей, чтобы спасти свой улус от погрома Василия Колесникова, сам везет его “грамотку” в Верхоленинский острог Ивану Курбатову в надежде получить от него защиту, т.е. обращается за помощью к представителю того народа, который в этот период уже достаточно сильно громит братские улусы, отгоняет скот, уводит в плен женщин и детей. А в 1645 г. от тунгусов поступает известие, “что у братцких людей промеж собою драки, половина хочет государю ясак давать, а иные хотят с государевыми людьми драться, и как наша сила не возьмет и тогда де мы станем ясак давать ...”[АЛО ИИ РАН, ф. К-184, столб.1, л. 191].

Как можно судить по документам, подобные конфликты в среде монголоязычного населения Предбайкалья в этот период возникают и на межэтническом, и на внутриэтническом уровне. Поводом для них, как мы видим, послужило появление русских, а причиной явился процесс разрушения единства как каждого отдельного этноса, так и этнокультурной общности в целом. Таким образом, обоснование в Предбайкалье нового сильного этноса, стоящего на более высокой ступени социально-экономического развития и обладавшего развитой государственностью, приводит к усилению центробежных этнических процессов среди коренных скотоводческих народов, так как связи в области политических и экономических отношений оказываются более актуальными для выживания людей, чем собственно этническое единство.

В 1646 г. межусобные столкновения происходят между нижеудинскими ашехабатами и это в тот момент, когда наиболее влиятельный князец Ойлан терпит поражение от русских и подвергается нападению монголов Алтын-хана [ААН, ф.21, оп.4, № 22, с.365, № 122]. Это заставляет Ойлана обратиться в 1647 г. за помощью в Красноярский острог, принять русское подданство и просить в его владениях “меж ясашных людей острожек поставить для обереганья им братцким людям от немирных землиц” [ААН, ф 21, оп.4, № 17, л.449, 3 236].

В 1648-1649 г. на удинских ашехабатов совершает набеги икинатский князец Баахай. Война этих двух булагатских субэтносов продолжается в течение нескольких лет, в чем за-

метную роль сыграли русские сразу нескольких острогов Енисейского и Красноярского уездов. На сторону икинатов встали гарнизоны Братского и построенного в 1654 г. Балаганского острогов, а на сторону ашехабатов - Красноярского и, главным образом, Удинского острогов [ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, сс.304-309, № 186]. В 1653 г. Баахай снова появляется на Уде, где громит улусы не только ашехабатов, но и их кыштымов - корчунов. В ответ пятидесятник Удинского острога Михаил Ярлыков формирует из состава острожного гарнизона, ашехабатов и корчунов отряд в 72 человека и отправляется в улусы Баахая, громит их, отгоняет 500 голов скота, а заодно забирает в плен и сборщиков ясака, служивых Братского острога. На следующий год Ярлыков повторяет поход и на этот раз уводит под Удинск не только попавших в плен икинатов, но 14 семей тунгусов и двух русских пашенных крестьян [ААН, ф.21, оп. 4, № 22, с. 566, № 182]. В 1654 г. под Удинск приходит объединенный русско-икинатский отряд в 172 человека, из которых 100 были икинаты. Отряд осадил острог, а когда взять его не удалось, погромил ашехабатские улусы, увел ясырь и скот. Далее было совершено еще несколько взаимных нападений, что привело к большим волнениям не только среди ашехабатов и икинатов, но и булагатов, часть которых решила отойти к Удинскому острогу. Волнения были прекращены благодаря энергичным действиям енисейского воеводы Афанасия Пашкова, который срочно послал сына боярского Дмитрия Фирсова поставить на Ангаре, в центре булагатских улусов, новый острог. Так в 1654 г. появился Балаганский острог, и 1700 булагатов были приведены “под государеву высокую руку”, а Енисейский уезд отстоял свою территорию, сохранил на время право собирать ясак с братских народов по Ангаре и в определенной мере стабилизировал этнополитическую ситуацию в регионе. Напомним, что события начала 50-х годов были всего лишь финалом той неприязни между Енисейском и Красноярском, которая возникла между этими двумя острогами еще во времена похода красноярских казаков, учинивших погром икинатов на Оке в 1629 г.

“Война острогов”, как уже говорилось, неоднократно привлекала внимание исследователей, и их взгляды на это явление в истории освоения Сибири русскими весьма различны. А.П.Окладников полагал, что она способствовала разделению бурят на племена и роды и настраивала их против русских, Е.М.Залкинд - наоборот полагал, что она содействовала возникновению дружбы между двумя народами [Окладников А.П., 1937, с.97; Залкинд Е.М., 1958, с.31]. Каждый из этих ученых по-своему прав, но они оба рассматривали проблему только с политической и социально-экономической точек зрения. Однако, в основе борьбы острогов, а точнее уездов, лежали и этнические процессы, развивающиеся в этот период на территории Сибири как среди коренных народов, так и самих русских. “Война острогов” явилась следствием формирования в Сибири нового русского субэтнуса, зарождение которого начиналось именно в острогах и уездах. Это достаточно отчетливо проявляется во всех документах до середины XVII в., которые показывают, что ориентация сознания русского населения Сибири по линии “мы-они” в это время четко соотносится с принадлежностью к тому или иному уездному острогу. И это неслучайно, так как в новый уезд оно попадало из разных мест метрополии и самой Сибири и он становился для этого смешенного и оторванного от основной части этноса люда “малой родиной”, с которой была связана вся его жизнь. Особенно интенсивно этот процесс проходил в лесостепной зоне, где сосредотачивалась основная масса русских, а остроги быстро обрастали посадами и крестьянскими поселениями, что приводило к формированию социальной структуры общества и ускоряло становление системной целостности русского субэтнуса Сибири. Напомним, что аналогичную роль играли города в процессе образования великороссов на европейской части Евразии. Именно города становились центрами сложения северорусских княжеств, которые представляли собой не только территориально-политические единицы, но и этнические общности - суздальцы, ростовцы, москвичи, новгородцы и т.д., составившие позднее основу русского этноса, хотя, конечно, уровень напряженности этнических процессов здесь был значительно выше, чем в острогах, где основным исходным элементом был уже сложившийся русский этнос.

В сибирских острогах (как впрочем, и на северо-востоке Руси) этот нарастающий этнообразовательный импульс притягивал к себе и автохтонное население, которое, в силу своей полиэтничности, на первых порах, содействовало формированию различий и в самосознании острожных гарнизонов , и в стереотипах их поведения. Так, например, в Байкальском регионе Удинский острог стоял среди ашехабатов , Братский острог был расположен в землях икинатов, Верхоленский - рядом с кочевьями эхэритов, Балаганский - в центре расселения булагатов, возникший позднее Иркутский острог - близ хонгодоров, не говоря уже о различиях других окружавших их этносов. Поэтому, “война острогов” идет не только за большее количество ясачных подданных, что, безусловно, имело место, но приобретает и определенный оттенок межэтнического противостояния, когда русские одного острога совместно с подвластным ему коренным населением выступают против русских же другого острога с подчиненными ему иными автохтонными этносами или субэтносами.

В связи с этим, большой интерес представляют царские грамоты, отражающие и отношение центральной власти к коренному населению Сибири, и особенности развивающегося на основе этой политики этнокультурного взаимодействия пришлого и автохтонного населения. Появление этих грамот было вызвано тем, что возвращающиеся “на Русь” служивые и промышленные люди вывозили с собой из Сибири в качестве холопов, захваченных в плен или купленных в острогах, чаще всего, женщин и детей из коренных сибирских народов. Первая грамота Михаила Федоровича отправляется в на Верхотурскую и Березовскую заставы в 1644 г. В ней приказывается “всяких чинов людей осматривать и обыскивать всякими мерами накрепко; а у кого объявитца ясырь, татаровя и остяки, и их жены и дети, робята и девки, и им тот ясырь .... отсылать в Тобольск и ... в Енисейский острог, с служивыми людьми, с кем пригоже; и крещеный ясырь, мужеской пол, велено верстать на службу, кто в какую статью пригодится, а некрещеных татар и остяков строить в ясак, а жонки и девки отдавать отцом им и матерем, и мужьям, и роду, и племени, а крещеных девок и жонок велено выдавать за муж за служивых людей, за кого пригоже ...”. В 1649 г. уже Алексей Михайлович, со ссылкой на указ своего отца, отправляет с таким же содержанием грамоту в Енисейский острог воеводе Федору Полибину. В ней говорится: “И ныне де привозят с Байкала озера, и с Лены, и из иных немирных землиц полоняников и продают торговым и промышленным людям, и торговые и промышленные люди, записав тех полоняников, возят на Русь из Енисейского острогу...”. Далее воеводе строго приказывается пленных отбирать и “верстать крещеных мужской пол в службу, а жонок и девок выдавать за служивых людей и за пашенных крестьян, а некрещеных строить в ясак” [ДАИ, т. III, с. 323-324, № 62].

Эти грамоты особенно ясно объясняют, почему, например, енисейские ясачные остяки постоянно ходили со служивыми Енисейского острога в походы против тунгусов и ашехабатов, а ашехабаты против икинатов и т.п.; просто их сородичи состояли в острожных гарнизонах, а женщины находились там не только в качестве аманатов, но и жен этих служивых людей. Дети от этих браков пополняли служивое сословие, которое обретало все более и более прочные связи с коренным населением своих районов. Отметим, что на постоянную службу в новый острог посылали, как правило, холостых людей и жен они себе добывали на месте сами. Крестьяне, оседавшие на пашнях вокруг острогов, также женились в основном на представительницах местных народов, и это было одной из основных причин, по которой в конце XVII в., и позднее, в Предбайкалье и Забайкалье коренные народы не раз принимали участие в волнениях острожных гарнизонов и крестьянства, спровоцированных жестокостью уездных властей. О бросающейся в глаза метисации русского населения Сибири и Байкальского региона, в частности, писали почти все путешественники и исследователи XVIII-XIX вв. Кстати сказать, русские брали себе далеко не всегда только крещеных женщин, о чем постоянно с неудовольствием сообщали в своих отчетах православные священники. Такие семьи иногда распались и женщины с детьми возвращались в свои улусы, пополняя и коренное население метисами. Имело место и просто сожителство русских, особенно промышленников, с местными женщинами. Не этим ли, кстати, объясняется большое число подростков,

отмеченное в конце XVII в. в фискальных документах по Предбайкалью [Долгих Б.О., 1953, с.43]? Не случайно первые совместные выступления русского и коренного населения против осторожных правителей относятся к 80-90-м годам XVII в., когда и в одном и в другом выросло новое поколение, с заметной примесью одной и той же крови.

Метисация как коренного, так и русского населения являлась одним из существенных импульсов новых этнообразовательных процессов в Сибири и, в частности, Байкальском регионе. В литературе неоднократно отмечалось, что не только в XVI в., но и XVII-XVIII вв. основную массу русского населения здесь составляли мужчины, но следует уточнить, что это была еще и наиболее пассионарная часть русского этноса, которая, оседая на новых сибирских землях и вступая в браки (постоянные и временные) с представительницами коренных народов, генетически передавали им это качество, активизируя этнические процессы среди местного населения региона. Представляется, что это явление сыграло важную роль в сложении современных сибирских этносов, особенно лесостепной зоны Сибири, где русское население было особенно многочисленным. Следовательно, воздействие русских на коренные народы Сибири и, в частности, Байкальского региона отразилось также и на изменении их генофонда, что является важнейшим фактором этнообразовательных процессов.

Таким образом, военные события в Предбайкалье 40-х годов XVII в., прошедшие в жесткой конфронтации русских и монголоязычных народов, наметили определенный перелом в характере этнического взаимодействия коренного и пришлого населения региона. Он выразился прежде всего в том, что не состоялась межэтническая консолидация скотоводческих народов, которая могла бы дать совершенно иное направление их этногенезу, начались центробежные процессы внутри каждого этноса и смешение коренного населения на межэтническом уровне, в то же время обозначилась ориентация части местного населения на русскую этнополитическую доминанту, наметившая основные направления будущих этнокультурных и социально-экономических взаимоотношений народов региона.

В 50-70-х годах XVII в. этнические процессы в регионе приобретают несколько иной характер: с одной стороны, стабилизируется общая этнополитическая ситуация и вокруг русских острогов складываются этнообразовательные очаги, в которых начинается зарождение новых субэтнических общностей; с другой, - активное военное сопротивление "братских" народов поколения 40-х годов сменяется в новом поколении пассивной формой протеста - уходом части населения со своих исконных земель в Монголию. Забегая вперед, отметим, что следующее, третье поколение уже в конце XVII-начале XVIII в. усиленно стремится вернуться на родные земли; именно в нем начинается процесс консолидации, но уже на более высоком этнообразовательном уровне, давший жизнь новому бурятскому этносу.

Одно из центральных мест в истории этих лет занимает уход в 1658 г. значительной части икинатов, окинских ашехабатов, булагатов, эхэритов и хонгодоров в Монголию, спровоцированный жестокостью приказчика Братского острога сына боярского Ивана Похабова [Окладников А.П., 1937, сс.98-122]. Значительный интерес представляет челобитная икинатов об обидах, чинимых Иваном Похабовым, поданная в 1558 г. Государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья России. Это первое обращение коренных народов Предбайкалья к московскому правительству и царю отмечает совершенно новый характер взаимоотношений автохтонного населения и русских, возводя его на уровень отношений подданных с государством, и отражая, несмотря на все последующие столкновения, фактическое признание новой государственной власти и уже достаточно прочную ориентацию на русскую этнополитическую доминанту. Конечно, текст челобитной был написан русским толмачем, но, безусловно, согласован с икинатскими князьями и представителями улусов, поэтому особый интерес представляет его концовка, в которой свою просьбу убрать Похабова они мотивируют тем, "... чтоб нам твоего государева ясачного платежу не отстать и от Братского острогу не отбыть в ясачном недоборе в твоем государевом гневе и в жестоком наказанье не быть и до конца не пропасть" [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, сс.213-214, № 63]. Это объяснение достаточно отчетливо показывает, что наметившаяся-

ся в начале 50-х годов политическая стабильность в Предбайкалье, практически, примирила коренное население и с присутствием русских, и с новой системой государственной власти. Не последнюю роль в этом играло то обстоятельство, что с момента появления в регионе русских и до подачи челобитной прошло 30 лет, т.е. фактически сменилось целое поколение, и в документах этого времени мы уже не встречаем имен князцов, известных в 20-30-х и даже в начале 40-х годов. Новое поколение выросло в условиях не только постоянных военных столкновений с русскими, но и межусобных погромов, поэтому прочно устанавливавшаяся власть представлялась залогом выживания. Так, часть бежавших от притеснений Похабова братских народов, оставшаяся в пределах русских владений на Белой и Китое, в последующих распросах по его делу, неизменно подчеркивала, что причиной бегства были исключительно бесчинства приказчика, а не сбор ясака или какие-нибудь другие действия русской администрации. Не реализуют они и первоначальные намерения погромить русских крестьян вокруг Братского и Балаганского острогов, тем самым подчеркивая, что их протест направлен персонально против Похабава. Здесь следует напомнить, что челобитные в Москву одновременно были отправлены икинатами, крестьянами и служивыми казаками обоих острогов, т.е. и коренным, и русским населением края, одинаково страдавшем от самодурства приказчика и его помощников и, как можно себе представить по документам, хорошо осведомленных о действиях друг друга. Это - один из первых примеров наметившегося этнокультурного взаимодействия между народами, которых объединяла, в первую очередь, психология труженика-производителя, связанного в своей созидательной деятельности с землей. И московское правительство, основываясь на этой челобитной, убирает Ивана Похабова, тем самым доказывая равное отношение ко всем подданным государства, независимо от национальной и расовой принадлежности.

Идея побега в Монголию вынашивалась долго. Еще в 1648 г. Иван Курбатов грозил эхэритам и булагатам, что не даст им “уйти к мунгалам”, так что мысль откочевать в забайкальские степи и избавиться от уплаты ясака и казачьих погромов как бы давно витала в воздухе, но осуществило эту идею только второе поколение людей, хотя их отцы выстояли перед не менее жестким натиском русских. Этот побег принял достаточно массовый характер, хотя значительная часть населения все же осталась на своих землях. Его инициаторами были икинаты и балаганские булагаты, наиболее страдавшие от произвола Похабова, но к ним присоединились и окинские и нижнеудинские ашехабаты, эхэриты и хонгодоры. Двигались они вверх по Ангаре, затем по Белой, Китую и Иркуту через Саяны и озеро Косогол в западные пределы Монголии.

Судьба беженцев в монгольских владениях мало известна, но с уверенностью можно сказать, что там они были в сильной степени рассеяны, так как русские встречали их в самых различных местах Забайкалья и Монголии [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, сс. 227-231, № 68]. Обратное в Предбайкалье булагаты, эхэриты, икинаты, ашехабаты и хонгодоры начинают возвращаться только через 10 лет, и сначала очень небольшими группами. В 1667 г. вышли из Монголии 15 человек эхэритов и поселились на своих “породных землях” на реке Куде; 11 человек ашехабатов и Быкотский род булагатов, но они почти сразу же ушли к Красноярску под Удинский острог, а не остались на своей территории в бассейне Ангары и Оки. В конце XVII в. и в первой трети XVIII в. стремительно возрастает поток репатриантов. Уход в Монголию и возвращение обратно усиливают те этнические процессы, которые были спровоцированы войной 40-х годов, и стабилизацией 50-70-х годов XVII в. В Монголии беженцы попадают под власть разных тайшей, расселяются по разным улусам, часть их навсегда остается там; возвращающиеся часто находят свои земли занятыми и вынуждены селиться на новых, что влечет за собой постоянно усиливающееся смешение различных групп населения, но в то же время они втягиваются в те новые этнообразовательные процессы, которые зарождаются вокруг русских острогов. Процесс этот длится до начала XVIII в. и существенное влияние на его развитие оказало прочное обоснование русских в

Забайкалье во второй половине XVII- первой трети XVIII в., которое завершило оформление границ этнической территории новых автохтонных этносов.

Проникновение русских в эту часть Юго-Восточной Сибири начинается в 40-х годах и так же, как в Предбайкалье, идет с двух сторон - из Якутска и Верхолонска по правым потокам Лены, Верхней Ангаре и Баргузину, а из Енисейска по Ангаре и далее через Байкал. Стимулирует это продвижение опять же известия о богатстве забайкальской земли серебром, так же как в 20-х годах, те же сведения о "Брацкой земле", усиливали желание русских достичь ее пределов. К сожалению, размер статьи не позволяет подробно остановиться на описании этого движения, но о его стремительности и удивительной энергии русских можно составить представление уже по первым походам служивых людей.

Еще в 1640 г. из Якутска на юг отправляется Максим Перфильев; поднимаясь вверх по Витиму, он собирает среди тунгусов сведения о забайкальских землях и народах. Русские власти узнают от него о даурах, которые проживают в верховьях Витима и Шилки, имеют скот, пашни и большое количество серебра [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, с. 38, № 25]. Затем уходит в 1644 г. из Енисейска отряд атамана Ивана Колесникова, но он задерживается в Братском остроге, несколько позднее ставит новый острог недалеко от устья Осы, везде собирая ясак и громя улусы "непослушников братских людей". В 1645 г. Колесников достигает Байкала и по северо-западному берегу доходит до Приольхонья. Здесь он зимует и летом 1646 г. доходит до Верхней Ангары, где ставит новый острог (Верхнеангарский). На побережье Байкала он собирает ясак с тунгусов камчагиров, выдерживает несколько их нападений и захватывает в плен князцов Котегу и Мукотея [ДАИ, т. III, сс. 69-70, № 15]. Они и объясняют ему путь в Забайкалье и далее в монгольские земли к Цэцэн-хану, и Колесников отправляет казачьего десятника Москвитина с несколькими людьми в Монголию. Москвитин спускается по Баргузину, доходит до Еравнинских озер, по Уде достигает Селенги, поднимается по ней немного вверх и затем степью добирается до табангутского князца Турухая табунана, а затем и до Цэцэн-хана [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, сс. 112-117, № 42].

Следом за Колесниковым отправляется Иван Похабов, он поднимается по Ангаре, пересекает Байкал, ставит Култукский острог и двигается вверх по Селенге. При этом, по всему пути следования он собирает ясак с "новых земель", выдерживая нападений со стороны коренного монгольского населения, а на Селенге принимает настоящее сражение с табангутами. А когда выяснилось, что князец Турухай (в связи с погромом его кыштымов отрядом Похабова) оставил у себя двух заложников из отряда Колесникова, Похабов на лыжах отправляется к нему выкупить их, а затем продолжает путь к монгольскому Цэцэн-хану "для проведения серебряной руды Китайского государства". Более того, он был готов идти и в Китай, но монгольский правитель не пропустил его [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, сс. 133-142, №№ 47, 48].

Однако, освоение русскими Забайкалья в целом, как уже отмечал Е.М.Залкинд, носило совершенно иной характер, чем Предбайкалья [Залкинд Е.М., 1958, с. 54]. Он был обусловлен, с одной стороны, наличием в этом регионе множества небольших разноэтнических групп населения, вытесненных на периферию степного региона в результате распада монгольского этноса и не оказавших организованного сопротивления русским. С другой стороны, присутствие здесь таких крупных этносов как табангуты и хоринцы, а также близкое соседство с сильными северомонгольскими княжествами Тушету-хана и Цэцэн-хана заставляло русских действовать с большей осторожностью и лояльно относиться к местному населению. Кроме нескольких столкновений с табангутами в эти годы у русских не было в этом регионе серьезных проблем. Более того, близкое соседство с северомонгольскими княжествами и незащищенность от их разорительных набегов, подтолкнуло столь крупный этнос как хоринцы принять русское подданство сразу же после возведения Нерчинского острога в 1658 г. Правда, в начале 50-х годов часть хоринцев все же покинула свои земли и откочевала в Монго-

лию, но уже с 1667 г. они начинают постепенно возвращаться обратно и сразу принимают русское подданство.

Не менее важной причиной сравнительно мирного освоения русскими Забайкалья явилась напряженная этнополитическая ситуация в этот период в Центральной Азии, вызванная образованием маньчжурской империи. В середине 30-х годов маньчжурский хан Абахай завоевывает большую часть Китая, а в 1636 г. принимает титул императора, основывая новую династию Дай Цин [Ермаченко И.С., 1974, с.69]. В это же время завершается покорение маньчжурами южно-монгольских княжеств и политические устремления новой империи обращаются на север, к крупнейшим халхаским княжествам Тушуту-хана, Цэцэн-Хана и Дзасакту-хана. Хотя эти княжества не принимали участие в военном сопротивлении Южной Монголии, все их внимание было приковано к политическим событиям в этом регионе и особенно к длительной войне маньчжуров с правителем Чахарского княжества Лигден-ханом [История Монгольской Народной Республики, 1983, с. 194]. Успехи маньчжуров и возникновение реальной угрозы со стороны их мощного государства заставили халхаских правителей и джунгар (ойратов) задуматься о собственном объединении, причем инициатива исходила, главным образом, от главы ойратов Батор-хунтайджи. В 1640 г. состоялся съезд всех наиболее влиятельных князей с той и другой стороны, но достигнутая договоренность о взаимной поддержке носила чисто формальный характер. Реальное объединение не только не состоялось, но все попытки осуществить его закончились военными столкновениями, которые в 80-х годах при ойратском Галдан-хане переросли в кровопролитную войну между монголами и ойратами, в чем не последнюю роль сыграла маньчжурская дипломатия, направленная на подстрекание одного княжества против другого.

Тревоги халхаских князей, вызванные приближением к их владениям маньчжуров, отвлекли их внимание от северных лесостепных районов Забайкалья и появление здесь немногочисленных русских отрядов не вызывало особого беспокойства. Более того, возникла надежда на возможную поддержку Русского государства в борьбе против возможной агрессии маньчжуров, что заставило в свою очередь и Тушэту-хана, и Цэцэн-хана лояльно относиться к русским служивым людям. Москва же вела себя осторожно, призывая в подданство и монголов, и ойратов, она постоянно уклонялась от какой-либо реальной помощи, да она и не располагала в Сибири силами, необходимыми для такой поддержки. Это дало возможность русским укрепиться на забайкальской территории: поставить целую сеть острогов, подтянуть военные силы и даже завести небольшие пашни. Не углубляясь на юг, в монгольские степи, русские строили свои опорные пункты в широтном направлении, охватив пространство от Тунки до Нерчи, причем большинство острогов располагалось в долине Селенги и Уды, главным образом на землях хоринцев.

В 50-60-х годах ситуация существенно меняется. В 1655 г., в результате тонкой дипломатии Цинской династии, восемь правителей Халки, в том числе Тушэту-хан, Цэцэн-хан, Даньцин-лама и Мэргэн-нойон, чьи земли прилегали к Забайкалью, становятся фактически вассалами маньчжурского императора [Ермаченко И.С., 1974, с.103]. С этого момента резко меняется их отношение и к Забайкалью, где ранее они обладали многочисленным зависимым населением, и Предбайкалью, куда периодически совершали свои набеги. Их претензии на байкальские земли во второй половине XVII в. возрастают с каждым годом и эта их активность усиленно поддерживается маньчжурами, а с 1691 г., когда халхаские княжества вошли в состав их государства, Байкальский регион уже официально входит в круг политических интересов Цинской империи. Еще в феврале 1684 г. вернувшиеся из Монголии служивые люди Селенгинского острога, ездившие для закупки скота, сообщали, что монголов “китайский богдохан с собой призывает на помощь, чтоб де русских людей из своих земель выгнать, и впредь бы де нигде русским людям в их землях не быть и для того де совету от всех мунгальских ханов и тайшей отпущены в Китай дети их и лутчие люди” [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, с.263, № 77]. Так, в этнополитическую ситуацию на террито-

рии Байкальского региона включается новый фактор, который обостряет и ускоряет развивающиеся здесь этнические процессы.

Уже в 1658 г. по сыску об уходе братских людей в Монголию “сказал с пытки пойманной брацкии мужик Курсунка, что де дума у нас стала быть об измене по зимнему пути весною, а подзывал де и приезжал к нам с торгом мунгалы Абавак да з братом Бадан ...” [цитируется по: Окладников А.П., 1937, с.119]. Летом 1660 г. под Балаганским острогом появляется монгольский отряд и, хотя сведения о его действиях очень противоречивы, сам факт его присутствия в центре булагатских владений (и уже на территории Российского государства) весьма примечателен [ААН, ф.21, оп.4, № 23, л. 48, № 29]. В 60-70-х годах на территории Забайкалья и даже Предбайкалья нападения монгольских и табангутских тайшей на русских служивых людей, крестьян и ясачных подданных учащаются. Приказчики забайкальских острогов постоянно сообщают: “Приезжают де с мунгальской степи от мунгальских тайшей в Брацкие землицы мунгальские люди по вся годы и збирают с брацких и иркуцких ясачных людей ясак на своих тайшей сильно и чинят де ясачным людям обиды и налоги, отымают у ясачных людей жен и детей и увозят к себе в Мунгальскую землю ...” [ААН, ф. 21, оп. 4, № 23, л. 258, № 234]. В конце концов их набеги принимают такой широкий размах, что летом 1681 г. по царскому указу к преемнику Тушэту-хана Очирой Саин-хану отправляется посольство во главе с сыном боярским Василием Турсково для переговоров о прекращении этих набегов. В документе, врученном монгольскому хану, были поименно перечислены все монгольские и табангутские тайши, “и сколько в котором году и в которых местах служивых и промышленных людей граблено и побито до смерти, и сколько лошадей и верблюдов и рогатого скоту отогнано...” [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, с.248, № 74]. Суть переговоров в основном сводилась к взаимным претензиям. Представители монгольского хана упрекали русских послов в том, что остроги поставлены на их исконной земле и служивые люди не раз ходили походами на монгольские и табангутские улусы, а Василий Турсково доказывал, что “остроги в тех местах поставлены по указу великого государя в его государстве отчине, в Сибирских краинах, а не на их Мунгальской земле для того, что преж сего обиды были от них же мунгальских людей великого государя ясачным людям и чтоб меж ясачными и мунгальскими людьми обид и убийства не было” [Залкинд Е.М., 1958, с. 74]. Однако вопрос о земле очень быстро сменился проблемой подданства населения Забайкалья. Монголы обвинили русских в том, что они собирают ясак с их “братских людей” и укрывают их в Забайкалье, и ссылаясь на якобы царский указ, обещающий всех беглецов отправлять в Монголию, потребовали их возвращения. Как следует из объяснения Василия Турсково, указа такого не было и своих ясачных подданных русские возвращать не собираются. Переговоры не привели к согласию и борьба за байкальские земли разгорается. В 1687 г. послы Очирой Саин-хана от его имени заявляют в Иркутске претензии на практически все население региона [Там же].

В начале 80-х годов во многих местах Забайкалья и Предбайкалья появляются посланники Очирой Саин-хана, которые уговаривают коренное население откочевывать в Монголию, угрожая при этом военными набегами. Именно в это время в русских документах появляются сведения об угрозе со стороны “богдойского царя”, т.е. китайского императора. Слухи эти усиленно распространяют монгольские посланцы. Так, в марте 1684 г. в Иркутск поступают известия от селенгинского казака Павла Чермного, что слышал он от монголов, “что будто приезжали из Китайского государства от богдохана посланцы к мунгальским и Кутухте и к царю и ко брату цареву к Шири Ширею з дарами и говорили им ... те посланцы, что б они пропустили китайское войско через Мунгальскую землю на Селенгинский и Нерчинский остроги” [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, с. 264, № 77]. А в мае в Иркутск послы Очирой Саин хана сообщают, что “идет богдойское войско большое - девять тысяч - по всем верхним острогам и до Енисейска, а запасу де с ним идет на всякого человека на двадцать лет ...” [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, с.277, № 85]. Однако, маньчжуры старались не появляться в Забайкалье, что повлекло бы войну с Россией, но дей-

ствовали силами монгольских князей, лишь иногда усиливая их отряды своими воинами, так что непосредственные контакты русских и коренных народов Байкальского региона происходили, главным образом, с монголами. Правда, в 1672 г. в Нерчинском остроге побывал маньчжурский военачальник Мынгатей, который “государевых ясачных иноземцев отзывал к себе” и угрожал им в случае отказа разорительным военным набегом [ААН, ф. 21, оп. 4, № 23, лл. 268-269, № 252]. Но, кажется, это единственный случай прямого вмешательства маньчжуров в дела русских.

Активизация монголов в Забайкалье и их претензии даже на предбайкальские земли окончательно определяет позицию коренного населения по отношению к русским - оно повсеместно становится на сторону острожных гарнизонов и крестьянства. В конце 70-х годов монголы и табангуты совершают несколько нападений на забайкальские остроги и окружающие их крестьянские поселения, а в 1682 г. они отгоняют несколько табунов лошадей. В ответ служилые служилые люди Нерчинского и Селенгинского острогов, собрав “гулящих людей”, отправляются в погоню и вместе с ними выступают семьдесят человек “ясачных иноземцев” [Залкинд Е.М., 1958, с. 64]. В августе 1684 г. монгольский отряд численностью около 50 человек появляется под Тункинским острогом, на реке Зун-Мурин, и острожный приказчик сообщает в Иркутск, что “ясачные люди и братья и тунгусы стоят у острога и бьют челом на всяк день о обороне, чтоб великие государи нас ясачных людей оборонили и не дали б в конец разоритца, и тех бы людей (монголов - Л.П.) з Зон Мурина збить” [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, с. 285, № 88]. В сентябре 1684 г. на Китою и Белой появился небольшой отряд монголов, которые приехали, как они объясняли, навестить своих родственников, но на деле они покупали пушнину, а где было можно отгоняли и скот. Иркутский воевода Леонтий Кислянский отправил казаков и двух “ясачных из брацких людей” выпроводить “гостей” из улусов, сопроводив их до границы. Ночью, недалеко от Тункинско-го острога монголы напали на казаков, завязался бой, “и они де брацкие люди тех мунгальских людей им Сергушке с товарищи и пособили справиться ... и стреляли де они брацкие люди Номолот и Олонтой тех мунгальских людей из саадаков, и только б де не они брацкие люди им Сегрушке, Исачку с товарищи пособили, и те б де мунгальские люди их ... всех до одного человека сами побили” [ААН, ф. 21, оп. 4, № 20, л.78, № 133]. Аналогичные известия постоянно поступают из Нерчинска, Селенгинска и даже Верхоленска. Они исходят не только от “брацких людей”, но также от тунгусов и даже соетов. В декабре 1688 г. “соетский мужик Торгу” сообщил в Тункинский острог, что от озера Косокола через Окинские вершины собирается идти на Балаганский острог с военным отрядом монголькой Гилен кутухта. Получив это известие, иркутский воевода отправляет вверх по Китою, Белой и Оке дозорные отряды, в которые вместе с русскими включает и “ясачных брацких людей” [Сборник по истории Бурятии, 1960, с.302-303, №№ 97, 98]. Зимой 1689 г. под Тункинский возвращаются из Монголии несколько человек из хонгодоров и из Тураева рода, которые немедленно сообщают в приказной избе о походе монголов в сторону Селенгинска. Почти сразу же поступает известие от таких же выходцев из Монголии о том, что “ мунгальские тайши з богдойскими людьми поднялись войною под Нерчинский острог” [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, с.304-305, № 100-101].

Таким образом, коренное население Байкальского региона в 70-80-х годах повсеместно включается вместе с русскими в борьбу против монголов: оно сражается в русских отрядах, участвует в дозорных походах, сообщает острожным властям о всех известных ему планах относительно военных предприятий противника.

Наивысшей точки военного противостояние братских народов достигает в 1688 г., когда русские во главе с окольным Федором Головиным были вынуждены принять сражение с крупными силами Очирой Саин-хана, подстрекаемого к этому выступлению маньчжурским правительством Китая. Полк Головина, численностью около 1 500 стрельцов, фактически попал в окружение под Селенгинском и Удинском , и тогда по всем острогам Предбайкалья и Забайкалья русские набирают ополчение из братских людей. В это ополчение входили

“бращские ясачные люди” Идинского, Балаганского, Иркутского, Верхоленского, Тункинско-го острогов, т.е. с русскими поднялись почти все братские земли, что и решило исход борьбы. При этом, очень важно отметить, что русским не пришлось прилагать больших усилий для создания этого ополчения: монголоязычное население Байкальского региона легко встало на борьбу с монголами. Это хорошо отражают многие документы того времени, среди которых наиболее выразительна Указная память иркутского воеводы Алексея Синявина о посылке отряда верхоленских бурят за Байкал, в Ильинскую слободу, в распоряжение полковника Федора Скрипицина, полк которого должен был идти на помощь Головину. В ней говорится, что “братские де лутчие люди в Верхоленском призваны и для выручки Селенгинска за море посланы и подали они де брацкие люди скаску, что служить де они великим государем рады и у которых де нарочитые кони сыщутца и они де брацкие люди будут збираться к морю и дожидатца из Ыркуцка и из Балаганска брацких же людей. И с теми де людьми готовы идти за море и на Селенгу в полк к нему Федору Скрипицину, а однем де им за море идти и служить невозможно” [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, с. 315, № 109]. Мы видим, что организация единого ополчения “ясачных брацких людей” исходила не от русских, идея объединения возникла в среде самого коренного монголоязычного населения Байкальского региона, отражая принципиально новое состояние этнического самосознания. Поэтому 1688 г. с полным основанием можно считать годом рождения бурятского народа.

Именно с 1688 г. начинает бурно развиваться консолидация монголоязычного населения Байкальского региона, отражающая процесс становления бурятского этноса. Это ощущение своего единства, возникшее в ранее разноэтничной, но родственной среде, порождает удивительно мощные центростремительные процессы. Так, с этого момента начинается бурный поток возвращения ушедших в Монголию различных групп предбайкальского и забайкальского коренного населения, многие из которых покинули свои земли в середине века и, следовательно, вернувшиеся составляли уже второе поколение, которое выросло в других землях и в ином этническом окружении; и, тем не менее, оно втягивается в этнообразовательные процессы, возникшие на территории их отцов. Более того, вместе с ним приходит и достаточно значительное количество представителей собственно монгольских этносов, т.е. центростремительный этнический водоворот, возникший в Байкальском регионе, охватывает и соседнее иноэтничное население, тем самым расширяя и ускоряя формирование нового бурятского народа. В этом отношении очень показательна “отписка” казака Тункинского острога в Иркутск, посланная в 1688 г.: “... во 196-м году июля в 20 день вышли в Тункинской на имя великих государей из Мунгальской землицы прежних братцких платежных мужиков Конкодырского (Хонгодорского - Л.П.) роду двое человек с родники, да с ними мунгальских мужиков всех пятьдесят три человека юртами з женами и з дети, с конными табуны и рогатым скотом и били де челом великим государем ... чтоб де великие государи пожаловали их велели кочевать им повольно с брацкими мужики с Босигою с товарищи и сказывают де те выходцы что за ними де вскоре хотели быть на име великих государей из Монгальской землицы многие выходцы ...” [Сборник документов по истории Бурятии, 1960, с. 325, № 117].

В контексте всех этих процессов особое внимание заслуживает то обстоятельство, что, как в военных событиях 1688 г., так и позднее, буряты выступают с русскими, т.е. представителями иной расы, иной языковой семьи и иной культуры, против во всем родственных им монголам. Этот весьма знаменательный факт объясняется исследователями, с одной стороны, обострением военно-политической ситуации на территории монгольских княжеств, возникновением межусобицы и войны с джунгарами, с другой - большей, по сравнению с русскими, жестокостью монгольских ханов и тайшей. Однако, не отрицая влияния этих моментов на консолидацию бурят, следует заметить, что существовала еще одна и, пожалуй, основная причина, по которой в конце XVII в. монголоязычное население Байкальского региона плечом к плечу с русскими ожесточенно сражалось с монголоязычными народами Халки. Дело

в том, что в этот период буряты обрели уже состояние младо-этноса. Восходящий этнообразовательный процесс сопровождался активным самоутверждением, становлением этнического самосознания и самоосознания себя, как определенного единства, этнокультурно противопоставленного всем остальным. Но, если русские представляли собой именно ту этнокультурную противоположность, которая способствовала осознанию коренным монголоязычным населением байкальской территории своей самобытности, то с монголами оно составляло единую этнокультурную общность, которая нивелировала вновь возникший этнос, мешала его этнической эмансипации, вызывая стремление дистанцироваться от монголов. Это противопоставление себя, как единого народа, генетически родственному населению центральноазиатских степей, базирующееся на новом этническом самосознании, явилось основой для военного объединения бурят с русскими. Необычайно ярко отражено это качественно новое самосознание в донесении графа Рагузинского о переговорах с Китаем, в котором он пишет о бурятах: “Служат верою России, не уступая природным россиянам; своим оружием и кочеванием границу распространяли, мунгальской землицы великою частью завладели, на границе с великим чаянием и верностью были доброоружны и доброконны, держали оную почти по всему расстоянию в многолюдстве; прикрытием границ и разъездами служили без жалованья с добрым сердцем и учтивостью, на которых я имел большую надежду, видя их храбрость и усердие [Бантыш-Каменский Н.Н., 1882, с. 145].

Итак, освоение русскими Предбайкалья, как было показано выше, приводит вначале к разрушению системной целостности коренных народов и, главным образом, монголоязычных, занимающих доминирующее положение в регионе. Развернувшееся на этих землях военное противостояние между новым, молодым и сильным русским этносом и небольшими, возникшими в эпоху позднего средневековья протобурятскими народами приводит к их фактическому разрушению как самостоятельных этнических единств и к постепенному расщеплению этнического самосознания в каждом из них. В то же время, воздействие мощного пассионарного русского импульса на этнокультурном и генетическом уровнях, а также присущая русскому народу толерантность сознания, и основанная на ней государственная политика, направленная не только на расширение своей территории, но и на увеличение населения, независимо от этнической принадлежности, способствуют стабилизации этнополитической ситуации в регионе, и не только не противодействуют, но и благоприятствуют возникновению в среде коренного населения новых этнообразовательных процессов. Стимулирующую роль в развитии этих процессов играет, прежде всего, ярко выраженная непохожесть пришлового и местного населения, их самобытность в расовом, языковом и хозяйственно-культурном отношении. Именно контакт с русскими возбуждал развитие в сознании смешавшейся в результате войны и значительных территориальных перемещений массы монголоязычного населения противопоставления “мы-они”, стирал прежние этнические различия, подпитывал осознание своего внутреннего единства, что порождало собственную психологическую доминанту этнического сознания.

Исторические события после 1688 г. и до 1727 г., практически, ничего не меняют в общем развитии тех этнических процессов, которые возникли к этому времени. Можно лишь добавить, что война ойратов против княжеств северной Монголии усилила приток в Байкальский регион собственно монгольского и частично ойратского населения, которое привело с собой, хотя и не значительное число, представителей самых различных этносов, включая хорчинцев и чахарцев из южно-монгольских княжеств [Цыдендамбаев Ц.Б., 1972, сс. 106, 114], оказавшихся в Северной Монголии после завоевания их маньчжурами [Ермаченко И.С., 1974, сс. 56-60]. Правда, большая часть всех этих беженцев, особенно после поражения Галдан-хана, возвращалась обратно в Монголию, и одним из главных монгольских компонентов в бурятском этносе стали автохтонные субэтносы или этнические группы Забайкалья.

Заключение в 1727 г. действительным статским советником графом Саввой Владиславичем Рагузинским Буринского договора с Китаем и его ратификация в 1629 г. определили границы между этими государствами и юридически закрепили Байкальский регион в составе

России. С этого момента начинается интенсивный процесс развития бурятского народа. Он идет по двум линиям: с одной стороны, постоянно усиливается этническая консолидация, развивается этническое сознание и самосознание, интенсивно растет численность населения, с другой - начинают формироваться новые субэтноты, образуя внутреннюю этническую структуру народа. И в том, и в другом процессах значительную роль играет государственная политика России, во многом определившая основное направление этнической истории региона.

Выше уже было отмечено, что интересы Московского государства были направлены не только и не столько на приобретение собственно территории, сколько на увеличение подданного населения. Присоединение Сибири показало, что политика русских изначально являлась глубоко продуманной, насущно необходимой и долговременной политической тенденцией, направленной на создание единого многонационального Российского государства. Эта политика получила воплощение в одном из главных документов середины XVIII в. - Манифесте от 26 февраля 1764 г. о правах инородческого населения Государства Российского, установившего статус коренного населения Сибири. От политики покорения XVII в., которая, хотя и стремилась к "приведению под высокую царскую руку приветом и ласкою" сибирских народов, но, тем не менее, включала и военное подавление, Россия переходит к интеграции коренного населения в политическую, экономическую и культурную жизнь государства, обеспечивая ему поощрение и покровительство и создавая благоприятные условия для его дальнейшего этнокультурного развития. Сибирь провозглашается особым царством в составе империи (с собственным гербом и монетой, просуществовавшей до 1781 г.). В Тобольске помещается царский трон, символизирующий покровительство императорской власти, представленной здесь сибирским наместником. За инородческим населением были закреплены обширные, по преимуществу, исконные территории, а русским приказывалось относиться к местным жителям так, чтобы они чувствовали себя "в желательном спокойствии". С ними надлежало "обходиться ласково, показывая им всякое доброхотство и не чиня им не только каких либо притеснений, обид и грабительств, но ниже малейших убытков ..." [ПСЗ, т. XVI, № 12269]. Не будет преувеличением сказать, что в истории мировой колонизации нового времени это - беспрецедентный пример отношения метрополии к инородческому населению вновь освоенных территорий. Фактически же, в процессе освоения Сибири Россия выработала совершенно оригинальный вариант колонизационной модели, которая позволила на огромных пространствах Евразии построить единое многонациональное государство.

Важнейшим показателем восходящего развития этноса является рост его численности. К сожалению для XVII-XVIII вв. данные численности населения Сибири не отличаются высокой точностью, но тем не менее, все же можно получить наглядное представление о характере демографических процессов. Особенно приблизительными оказываются данные XVII-начала XVIII в., так как количество населения вычисляется исследователями по данным ясачных книг, а они, конечно, были весьма неполными. На сегодняшний день наиболее приемлемый подсчет населения на этот период приводится в работе Б.О. Долгих, хотя в виду фрагментарности документов, и его данные нельзя считать абсолютно точными [Долгих Б.О., 1960]. Следует подчеркнуть, что, даже если численность населения в работе Долгих и занижена, то пропорциональное соотношение коренных этносов и их расселения по двум областям региона достаточно точное.

По расчетам Б.О. Долгих, к началу XVIII в. на территории Байкальского региона проживало: монголоязычного населения - 37 175 чел., тунгусов - 15 135 чел. При этом, протобурятское население (булагаты, эхэриты, хонгодоры и хоринцы) равнялось 33 799 чел., а собственно монгольское население - 3 376 чел. В Предбайкалье монголоязычное население составляло 27 499 чел., а в Забайкалье - 9676 чел., в процентном отношении соответственно, 74% и 26%. Тунгусское население в этих районах составляло 43% и 57%.

В конце XVIII в., по данным IV ревизии, численность бурятского населения равнялась 107 700 чел. (с учетом казачьего сословия 12 000 чел.), а в начале XIX в. оно уже составляло 151 015 чел. [Андриевич А., 1891, сс.82-83]. В середине XIX в. по данным IX ревизии бурят насчитывалось уже 119 874 чел. [ГАИО, ф.24, оп.12, д. 631, лл. 4-36], в конце же XIX в. их численность достигла 288 663 чел. [Патканов С., 1899, т.III]. Таким образом, если даже не принимать во внимание не очень точные данные XVII в., а опираться только на результаты IV-IX ревизий, то за столетний период численность бурят увеличилась в 2,6 раза. При этом прирост населения отличается удивительной стабильностью. Так, за 30 летний период с IV по VI ревизии количество бурятского населения увеличилось на 40,2%, с 1811 г. по 1854 г. (за 43 года с VI по IX ревизию) прирост составил 32,3%, а с 1854 по 1897 гг. - 44,4%.

Столь интенсивный рост этноса объясняется несколькими причинами. Выше уже говорилось о значительной метисации бурятского и русского населения региона, что оказало воздействие на увеличение того и другого народа. Однако, основную роль в стремительном возрастании численности бурят сыграло включение в процесс их образования соседних автохтонных этносов региона. До прихода русских протобурятские этносы соседствовали с тунгусским, енисейским и тюркским населением региона, представляя, безусловно, доминирующую силу в этом конгломерате. Но основная линия отношений сводилась к данничеству, а степень собственно этнокультурных контактов была сравнительно невелика. Появление русского этноса, как было показано выше, резко изменило характер этих отношений, вызвав интенсивное этническое взаимодействие, которое в XVIII-XIX вв., уже в силу образования нового молодого бурятского этноса, получило дальнейшее развитие. В итоге, в этот период наблюдается постепенное исчезновение с этноисторической карты региона многих автохтонных этнонимов.

Так, были поглощены западные соседи бурят кетоязычные корчуны и частично котты Удинской земли Красноярского уезда, численность которых в XVII в. соответственно составляла 400 чел. и 1 400 чел. В XIX в. они уже входили в состав нижеудинских бурят, сохраняя память о своих предках лишь в родовых названиях Коршон, Котомут и др. [Долгих Б.О., 1960, сс. 252, 272]. Правда, часть этих этносов была ассимилирована русскими, поэтому, какое точно число их влилось в бурятский этнос, в настоящее время определить невозможно. Захватил этот процесс и карагасов (тофаларов), северные группы которых, находящиеся в непосредственном контакте с нижеудинскими бурятами, постепенно пополнили ряды этого бурятского субэтноса [Долгих Б.О., 1960, с.208].

Подвергнулся ассимиляции бурятами и целый ряд тунгусских этнических подразделений Предбайкалья. Здесь следует отметить, что до появления русских тунгусы составляли второй по величине этнос в регионе. Их численность в конце XVII в. составляла 13 566 чел. [Долгих Б.О., 1960]. По всеобщей переписи 1897 г. эвенков в Предбайкальском регионе насчитывалось 36 503 чел. Таким образом, даже с учетом неточности данных XVII в., за два века эвенкийский этнос увеличился более чем в два раза, в то время как численность бурят (с этой же поправкой) за этот период возросла более чем в 7 раз. Объяснение этому следует искать не в низкой рождаемости среди эвенков или в физической стагнации этноса, как полагали некоторые исследователи XIX в. [Патканов С., 1911, с.110], а в тех этногенетических процессах, которые развернулись в регионе в связи с появлением русских и становлением нового бурятского этноса.

Конечно, часть эвенкийского населения была ассимилирована русскими, в частности, эвенки Илимского уезда, но значительное число нижеокинских, иркутских, балаганских, кабанских, верхнеангарских и ийских эвенков влилось в состав бурят [Долгих Б.О., 1960, с.247].

Несколько иначе развивалась этническая ситуация в Забайкалье. Здесь этнообразовательные процессы начались несколько позднее и первый импульс возник в результате взаимодействия пришлого протобурятского населения, главным образом, ашехабатов и хонгодоров, из Предбайкалья и автохтонного собственно монгольского населения, в большинстве

своим сартолов и табангутов. Уже в 1732 г., по документам Селенгинского присуда, среди плательщиков ясака наряду с табангутами и другим, смешанным, монгольским населением, общей численностью 710 человек, числятся 271 представитель ашехабатов, 371 человек из других подразделений булагатов и 147 эхэритов [Долгих Б.О., 1960, с.315]. В этот период хоринцы, за исключением незначительного числа выходцев из Монголии, сохраняют свой прежний этнический состав и только со второй половины XIX в. они постепенно включаются в качестве субэтнического подразделения в процесс структурирования бурятского этноса.

Свои особенности имело и взаимодействие монголоязычного и тунгусоязычного населения, в котором преобладала скорее метисация, чем ассимиляция бурятами тунгусов, что дает толчок для сложения в Забайкалье единого эвенкийского субэтноса. Это проявилось, прежде всего, в активном заимствовании хозяйственных и культурных форм, повлекшем за собой практически полный переход эвенков Забайкалья к кочевому скотоводству, они вырабатывают синкретические с бурятской формы культуры, сохраняя при этом этническое самосознание и значительный пласт духовной культуры. Наиболее ярко эти процессы отразились на судьбе эвенков Баргузинского района, расположенного в непосредственной близости от основной зоны распространения эвенкийской культуры. Во внутренних районах Забайкалья метисация эвенков приобретает более глубокие формы. Часть из них даже утрачивает язык, как например эвенки Армакской инородческой управы Селенгинского уезда (армакские хамниганы). Переселившись в середине XVIII в. в Закаменский район Забайкалья с берегов Байкала, эвенки заимствуют бурятский тип хозяйства, в котором, тем не менее, сохраняется значительная доля охоты, принимают ламаизм, включая в него многие шаманистические представления, полностью переходят на бурятский язык, в котором однако присутствует большой пласт эвенкийского языка [Дамдинов Д.Г., 1974, сс.52-53]. Сходные процессы протекали и в среде эвенков-казаков Акшинского округа Забайкалья, хотя здесь доминантной оказалась русская культура и христианство.

Близкие по типу отношения складываются у бурят с тюркоязычным населением Восточных Саян. В этот район буряты начинают проникать в первой половине XVII в. в связи расширением военных действий в Предбайкалье, а затем во время бегства ашехабатов, булагатов, эхэритов и хонгодоров в Монголию в 1658 г. В начале XVIII в., в связи с укреплением русско-китайской границы, сюда направляются бурятские казачьи караулы, положившие начало экспансии скотоводческой культуры в этот район. Внедрение бурят в восточные Саяны оказало на местное тюркоязычное население воздействие, сходное тому, которое испытали протобурятские этносы региона в связи с появлением в Предбайкалье русских. Этнокультурное взаимодействие автохтонных средневековых этносов, относящихся к охотничье-оленоводческому ХКТ, с молодым этносом бурят-скотоводов провоцирует этнообразовательные процессы в среде коренного тюркоязычного населения Саян. Обоснование бурят в достаточно изолированном и небольшом по территории районе Центрального плато Восточного Саяна естественно приводит к смешению автохтонного населения и достаточно сильной его метисации. В результате к началу XIX в. на основе четырех коренных и близкородственных этносов (иркитов, хаасутов, эудинцев и сойотов) возникает новый единый народ, принявший этноним сойоты. Значительную роль в развитии этих процессов сыграли особые экологические условия района. Освоить суровое высокогорье, обладая лишь навыками равнинного скотоводства бурятам было не под силу, и им пришлось многое заимствовать из культурных навыков охотников-оленоводцев. Более того, природный ландшафт района, вмещающий в себя остепненные долины и высокогорную тундру, оказался идеальным для развития двух типов хозяйства. В то же время буряты, как экзогенный фактор с совершенно иным хозяйством, культурой и менталитетом, способствовали осознанию сойотами своей самобытности и становлению их этнического самосознания. В результате этнокультурного взаимодействия автохтонных этносов и бурят возникла новая гармоничная форма культуры, в которой логично сочетались особенности той и другой, что и составило основу дня развития нового этноса сойотов. Союоты утрачивают в XIX в. родной язык, приобретают многие навыки ско-

товодческой культуры, но при этом сохраняют традиционное хозяйство, этническое самосознание, шаманистические представления и основные элементы духовной культуры.

Таким образом, хотя Байкальский регион и представляет собой единое географическое и этнокультурное пространство, он все же включает в себя две части - Предбайкалье и Забайкалье, которые имеют свои особенности в природно-климатическом, этническом и историко-культурном планах, о чем уже неоднократно упоминалось. Это своеобразие двух областей региона сыграло важную роль в развитии бурятского народа, изначально предопределив в нем возникновение двух крупных субэтносов - западного (предбайкальского) и восточного (забайкальского), составивших структурную основу этноса более высокого таксономического уровня, чем локальные субэтнические единицы, формировавшиеся вокруг русских острогов (балаганские, верхоленские, тункинские, селенгинские и т.п.). Наиболее важными в возникновении этих двух этнических подразделений бурят были такие факторы как: 1. различие в собственно протобурятском населении - в Предбайкалье его основу составляли булагаты, эхэриты и хонгодоры, в Забайкалье - хоринцы; 2. неодинаковость начальной стадии этногенеза - на западе она начиналась с достаточно сильного смешения протобурятских этносов, вызванного военным сопротивлением русским, на востоке - хоринцы достаточно долго сохраняли "этническую чистоту"; 3. разница в составе иноэтничного автохтонного населения, принявшего участие в этногенезе бурят - в Предбайкалье это тунгусы, на периферии - кетоязычное население, в Забайкалье - монголы, тунгусы и тюркоязычное население Саян; 4. в силу изначально более прочного утверждения русских в Предбайкалье русская метисация бурят в этом регионе была значительно выше, чем в Забайкалье; 5. большая пригодность климата и почв для земледелия на западе способствовала широкому распространению здесь сначала русского земледелия, а затем и развитию этой отрасли в хозяйстве бурят и сокращению в нем скотоводства и охоты, что не только внесло существенные коррективы в ХКТ предбайкальских бурят, но и усилило этнокультурные контакты с русскими. На востоке эти связи были менее развиты, так как, с одной стороны, в силу климатических условий в хозяйстве бурят основное место сохраняет за собой скотоводство, с другой, - созданное здесь сообщество бурят-казаков сохраняло внутреннюю замкнутость и не смешивалось с русскими; кроме того значительную часть русского переселенческого населения в Забайкалье составляли старообрядцы, представлявшие собой совершенно обособленную группу населения. И, наконец, огромную роль в развитии этих двух субэтносов сыграло разделение западных и восточных бурят по конфессиональному признаку: первые оставались шаманистами, вторые приняли ламаизм, сохраняющий значение основной религии и в наши дни. Не менее важным обстоятельством являлось и участие русских властей в расселении репатриантов, которое проводилось в интересах государства. Так, например, часть предбайкальского населения, в частности, нижеудинских ашехабатов и хонгодоров была оставлена в Забайкалье, где русские стремились как можно полнее заселить территорию, являющуюся политическим и экономическим выходом России в восточную Азию, и укрепить русско-китайскую границу. Им были отведены земли в Джидинском, Закамненском, Тункинском и Окинском районах, мало населенных в начальный период. Процесс притока бурятского населения в Забайкалье из Предбайкалья продолжается и в XVIII-XIX вв., что было связано с расширением на предбайкальских землях, пригодных для земледелия, ареала русской культуры. Это явление оказало в дальнейшем существенное влияние на развитие бурятского народа. В 1851 г. Забайкалье получает статус самостоятельной административно-территориальной единицы, а к концу века здесь сосредотачивается большая часть бурятского населения, по численности почти вдвое превышающая предбайкальскую часть этноса (соответственно - 179 487 и 108 867 человек). В 30-х годах XX в. этот процесс получил отражение в образовании именно на территории Забайкалья Бурят-Монгольской автономной республики

Таким образом, становление и развитие бурятского народа проходило во взаимодействии нескольких народов-предков. Основное ядро, вокруг которого возник вихрь этногенетических процессов, составляло протобурятское монголоязычное население региона. Однако,

важнейшими составляющими этих процессов явились автохтонные эвенкийские и монгольские субэтноты, на периферии его расселения - кетоязычное и тюркоязычное население, а экзогенным компонентом, фактически давшим толчок к возникновению этих процессов, явились русские. Существенной особенностью этого процесса явились органичность и естественность, с которыми иноэтничное автохтонное население вливалось в состав бурят. Этому способствовало, с одной стороны, прежнее длительное хозяйственное и этнокультурное взаимодействие, когда ХКТ охотников оленеводов и пеших охотников находились в органической взаимодополняемости с ХКТ скотоводов, с другой - то обстоятельство, что новый бурятский этнос принял на себя функцию посредника в этнокультурных и хозяйственных контактах малых автохтонных этносов с русскими, что облегчалось меньшим стадийным разрывом между русской и бурятской культурами.

Серьезное воздействие на процесс формирования бурятского этноса оказала и сложившаяся в регионе с приходом русских историко-культурная ситуация. Если для более раннего периода хозяйство булагатов, эхэритов, хонгодоров и хоринцев можно охарактеризовать как в достаточной степени развитое и стабильное, но в известной мере стагнантное, не имеющее тенденции к интенсивному развитию, то после включения его в систему комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства оно получило дополнительный мощный импульс к развитию и интенсификации. Начался этап активного включения народа в евразийский круг этнокультурных взаимодействий, что в целом пробудило жизненную силу и этническую активность бурят. А это в свою очередь повлекло за собой активизацию широкого комплекса этнообразовательных процессов в Байкальском регионе, давших рождение всех его современных народов.

ИСТОЧНИКИ

1. Архив Академии Наук, ф.21, оп. 4, "Портфели Миллера".
2. Архив Ленинградского отделения Института Истории РАН, ф. К-184,191.
3. Архив Музея антропологии и этнографии им.Петра Великого РАН, ф. К-V, № 760, Ф.Миллер. История Сибири. т. 3 (рукопись); ПМА, ф. К-I, оп.2.
4. Государственный Архив Иркутской области, ф.24, оп.12, д. 631, Иркутская казенная палата. Данные по 9 народной переписи в инородческих племенах Иркутской губернии.
5. Сборник документов по истории Бурятии. Улан-Удэ, 1960.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеенко Е.А. Кетская проблема.// Этногенез народов Севера. М.,1980.
2. Андреев А.И.. Примечания к главам 6-7 "Истории Сибири".// Миллер Г.Ф. История Сибири. М.,-Л., 1941, т.2.
3. Андриевич А. Сибирь в XIX в. Спб, 1891.
4. Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайскими государствами с 1619 г. по 1792 г. Казань,1882.
5. Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки. М., 1961.
6. Вайнштейн С.И. Происхождение саянских оленеводов (Проблема этногенеза тувинцев-тоджинцев и тофаларов).// Этногенез народов Севера. М.,1980.
7. Васильев В.И.Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М.,1979.
8. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л.,1990.
9. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л.,1990.
10. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993.
11. Дамдинов Д.Г. Закаменские (армакские) хамниганы.// Этнографический сборник. Бурятский институт общественных наук (БИОН). Улан-Удэ, 1974.

12. Долгих Б.О. Некоторые данные из истории бурятского народа. // СЭ, 1951, N 1.
13. Долгих Б.О. Некоторые данные к истории образования бурятского народа // СЭ. 1953, № 1.
14. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. Тр.ИЭ АН СССР, Новая серия, т. LV, М., 1960.
15. Ермаченко И.С. Политика Маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии. М.,1974.
16. Ермолова Н.В. Возвращаясь в тунгусской проблеме: поиск этнической истоков эвенков и новые предположения.// Сибирь: древние этносы и их культуры. Спб.,1996.
17. Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск, 1991.
18. Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958.
19. Златкин И.Я.История Джунгарского ханства 1635-1758 гг.М.,1983.
20. История Бурят-Монгольской АССР (под редакцией доктора исторических наук А.П.Окладникова). Улан-Удэ, 1951.
21. История Монгольской народной Республики. М.,1983.
22. Карамзин Н.М. История Государства Российского. М.,1991,т.3.
23. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Книга вторая. М., 1997.
24. Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа (от XVII в. до 60-х годов XIX в.). М.,-Л.,1940.
25. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.,1969.
26. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.,-Л., 1937, т. 1.
27. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.,-Л., 1941, т. 2.
28. Михайлов Т.М. Юго-Восточная Сибирь в отношениях с Центральной Азией в XII-XVII вв.// Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск, 1989.
29. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII-XVIII вв.) Л.,1937.
30. Павлинская Л.Р. Еще раз об этнической истории Байкальского региона.// Сибирь: древние этносы и их культуры. Спб., 1996.
31. Павлинская Л.Р. Окинские сойоты: методы и механизмы разрушения этнической культуры.//Материалы полевых этнографических исследований,1990-1991. СПб.,1993.
32. Патканов С.Н. О приросте инородческого населения Сибири. Спб., 1911.
33. Патканов С.Н. Статистические данные, показывающие Племенной состав населения Сибири, язык, и роды инородцев. Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл., и о.Сахалин. Спб., 1912, т. III.
34. Патканов С.Н. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. Спб.,1914, ч.II, вып. 2.
35. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб.,1997.
36. Румянцев Г.Н. Происхождение хори-бурят. Улан-Удэ, 1962.
37. Соколова З.П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов// Этногенез народов Севера. М., 1980.
38. Токарев С.А. Расселение бурятских племен в XVII в.// Записки Бурят-Монгольского ГНИИЯЛИ, вып.1, Улан-Удэ, 1934.
39. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.,1985.
40. Черницов В.Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита.// Проблемы археологии Урала и Сибири. м.,1973.
41. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Иркутск, 1883.
42. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972.